

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Утерянная связь

- 9. Неадекватные упрощения и практическое знание: метис
- Метис: контуры практического знания
- Социальный контекст метиса и его разрушение
- Доводы против имперского знания
- 10. Заключение
- «Все дело в невежестве, дурачок!»
- Планирование для абстрактных граждан
- Разложение действительности на составляющие
- Неудачи схематизации и роль метиса
- Примеры общественных институтов, дружественных метису

9. Неадекватные упрощения и практическое знание: метис

“Всякое сражение — Тарутинское, Бородинское, Аустерлицкое — совершается не так, как предполагали его распорядители. Это есть существенное условие.

Л.Н. Толстой. Война и Мир

Нам уже неоднократно приходилось наблюдать и в природе, и обществе провалы неадекватных и стереотипных упрощений, навязанных государственной властью. Утилитарная коммерческая и финансовая логика, приводящая к геометрически правильным монокультурным лесопосадкам одного возраста, наносила и серьезный экологический ущерб. Там, где шаблон применялся с наибольшей пунктуальностью, это привело в конце концов к необходимости восстановления многого из первоначального разнообразия сложной структуры леса или скорее создания «виртуального» леса, который подражал бы живучести и долговечности «донаучного» леса.

Запланированный «город, построенный в соответствии с наукой», претворенный в жизнь согласно небольшому числу рациональных принципов, для большинства его жителей оказался социальным крахом. Как это ни парадоксально, крах запланированного города часто предотвращался практическими импровизациями и незаконными действиями, которые полностью отсутствовали в плане, как это, например, имело место в Бразилиа. Бледная схематика Ле Корбюзье оказалась недостаточным средством для нормальной жизнедеятельности человеческого сообщества, равно как и логика, лежащая в основе научного леса, была неадекватным средством создания здорового и «преуспевающего» леса.

Любой крупный социальный процесс или событие неизбежно окажется более сложным для отображения, чем те схемы, которые мы можем разработать для них перспективно или ретроспективно. У Ленина, потенциального руководителя партии авангарда, были все основания для подчеркивания военной дисциплины и иерархии в проекте революции. После Октябрьской революции власти большевистского государства тоже имели все основания для преувеличения централизующей и прогнозирующей роли партии в организации

революции. И все же, мы знаем, что революция была драматическим событием, зависящим больше от импровизаций, ошибочных действий и неожиданных удач, так блестяще описанных Львом Толстым в романе «Война и Мир», чем от тщательной отработки шагистики на плацу. И Ленин, и Люксембург тоже понимали это.

Упрощения сельскохозяйственной коллективизации и планируемого из центра производства были вполне сопоставимы в колхозах бывшего Советского Союза и в деревнях уджамаа Ньерере в Танзании. Здесь тоже схемы, которые не потерпели неудачу, сумели выжить в значительной степени благодаря отчаянным мерам, не только не предусмотренным, но и просто запрещенным государственным планированием. Таким образом, в российском сельском хозяйстве развилась неофициальная экономика, действующая на крошечных частных участках и с помощью «кражи» времени, оборудования и приспособлений из государственного сектора и поставляющая основную часть молочных продуктов, фруктов, овощей и мяса на российский стол[796]. Таким же образом насильственно переселяемые танзанийцы успешно сопротивлялись коллективному производству и возвращались назад к участкам, более подходящим для боронования и культивирования. Время от времени результатом упорного навязывания государственных упрощений в аграрной жизни и производстве был голод — примерами служат принудительная сталинская коллективизация или политика «большого скачка» в Китае. Однако в большинстве случаев государственные чиновники успевали остановиться раньше, чем проваливалась официальная система, и вынуждены были на многое закрывать глаза, если не прямо потворствовать множеству неформальных методов, что фактически и обеспечивало ее выживание.

Эти довольно-таки крайние примеры обширной, навязанной государством социальной перестройки иллюстрируют, я думаю, главный смысл формально организованной социальной деятельности. В каждом случае неизбежно неадекватная схематическая модель социальной организации и производства, положенная в основу планирования, не могла создать набор инструкций для воплощения успешного социального порядка. Упрощенные правила никогда не могут воспроизвести функционирующее сообщество, город или экономику. Чтобы удержаться, официальный порядок всегда до значительной степени паразитирует на не признаваемых формальной схемой неофициальных процессах, без которых он не мог бы существовать и которые не может сам создавать или поддерживать.

Поколения деятелей профсоюзного движения принимали на вооружение это понимание и использовали его как основание для забастовки в форме «работы строго по правилам». При такой забастовке (французы называют ее *greve du zeile*) служащие начинают выполнять свою работу, методично соблюдая каждое из правил и инструкций и выполняя только те обязанности, которые указаны в условиях работы. Результатом, к которому они стремятся, является то, что работа тормозится вплоть до полной остановки или, по крайней мере, сильно замедляется. Служащие достигают результатов, оставаясь на работе и следуя каждой букве инструкций. Их акция также наглядно иллюстрирует, насколько сильнее действующее производство зависит от неофициальных договоренностей и импровизаций, чем от формальных рабочих правил. Например, в длительной акции «работы по правилам», направленной против фирмы «Катерпиллер», крупного производителя оборудования, рабочие перешли к неэффективным технологическим приемам, разработанным инженерами, понимая, что компания заплатит за это временем и качеством больше, чем

если бы они продолжали применять свои более быстрые, уже давно изобретенные практические методы[797]. Они основывались на проверенном положении, что работа строго по инструкции неизбежно менее производительна, чем при проявлении инициативы.

Такой взгляд на социальный порядок отнюдь не открытие, скорее это социологический трюизм. Однако он дает ценную отправную точку для понимания, почему авторитарные высокомодернистские системы настолько потенциально разрушительны. Они игнорируют, часто до полного подавления, практические навыки, без которых немыслима сложная деятельность. Моя задача состоит в том, чтобы осмыслить эти практические навыки, называемые по-разному: умением (знанием дела или *arts de faire*)[798], здравым смыслом, опытом, ловкостью или *метисом*. Что же это за навыки? Как они были получены, развиты и сохранены? Какое они имеют отношение к формальному гносеологическому знанию? Я надеюсь показать, что многие формы высокого модернизма заменили ценное сотрудничество между этими двумя сторонами знания «имперским» представлением науки, которое отвергает практическое умение как в лучшем случае незначительное, а в худшем — невежественное. В связи научного и практического знания, как мы увидим далее, отражается политическая борьба за учреждение гегемонии специалистов и их ведомств. В этом понимании тейлоризм и научное сельское хозяйство — стратегии не только производства, но и управления и присвоения.

Метис: контуры практического знания

Благодаря исследованиям Марселя Детьена и Жан-Пьера Фернана можно обнаружить в греческом понятии «метис» средства сравнения форм познания, заложенных в местный опыт, с более общим абстрактным знанием, используемым государством и его техническими ведомствами[799]. Прежде чем уточнить понятие и начать его использовать, обратимся к примеру, чтобы проиллюстрировать практический характер местного знания и заложить основу для дискуссии. Когда первые европейские поселенцы в Северной Америке столкнулись с вопросом, когда высаживать и как растить незнакомые культуры Нового Света, в частности кукурузу, они обратились за помощью к местному опыту своих соседей-индейцев. По одной легенде индеец по имени Скванто (по другой — индейский вождь по имени Массасоит) подсказал им, что высаживать кукурузу надо, когда молодые листочки дуба станут величиной с беличье ухо[800]. Каким бы фольклорным ни казалось звучание этого совета сегодня, в основе его точно подмеченное знание последовательности естественных событий весной в Новой Англии. Для индейцев это была *упорядоченная* последовательность событий, примерно такая: появляются всходы дикой капусты, затем распускаются листочки ивы, возвращается краснокрылый черный дрозд и появляется первый выводок поденки — вот приметы календаря весны. Несмотря на то, что сроки этих событий в каком-то году могли наступать раньше или позже, темп их следования мог быть замедлен или ускорен, *очередность* событий почти никогда не нарушалась. Как грубый практический метод он давал надежную, хотя и приближенную защиту от заморозков. Мы почти наверняка искажаем советы Скванто, так как колонисты, возможно, следовали им, сводя их до единственного наблюдения. Все, что мы знаем о местном практическом знании, говорит о том, что оно полагалось на отчасти избыточное объединение многих примет. Если другие признаки не подтверждали примету по дубовым листочкам, осторожный сеятель мог отложить посев на более поздние сроки.

Сравните эти рекомендации с другими, основанными на более универсальных единицах измерения. Типичное местное издание «Альманах фермера» дает нам подходящий пример. Оно предлагает высаживать кукурузу после первого полнолуния в мае или после конкретной даты, например 20 мая. В Новой Англии во всяком случае этот совет потребовал бы значительного уточнения в зависимости от широты и долготы. Дата, которая подходила бы для более южного штата Коннектикут, не подойдет для Вермонта; дата, которая будет верной для долин, окажется неправильной для возвышенностей (особенно для склонов, обращенных на север); дата, которая хорошо работает у побережья, не сработает внутри материка. Наконец, дата, указанная в альманахе, застрахована от неудачи, так как самое плохое, что могло бы случиться с издателем альманаха, — его рекомендации привели бы к неурожаю. В результате этой коммерческой осторожности, ради определенности сроков может быть упущено важное для развития растений время[801].

В противоположность этому, подход индейцев был локальным и туземным; он соответствовал общим особенностям местной экосистемы; он обращал внимание на листья дуба именно *в этом месте*, а не вообще. И независимо от специфических особенностей этот принцип прекрасно применяется везде, где есть дубы и белки. Точность, обеспечиваемая соблюдаемой последовательностью, почти всегда дает временной выигрыш в несколько дней роста, не сильно увеличивая риск посадок перед сильным морозом.

Практическое знание, подобное знанию Скванто, конечно, можно объяснить на более универсальном научном языке. Ботаник мог бы заметить, что рост первых дубовых листьев обусловлен состоянием почвы и температурой среды, которые дают надежду, что кукуруза взойдет и что вероятность убийственного мороза незначительна. То же самое могла бы подсказать средняя температура почвы на определенной глубине. Таким же образом математик начала XIX в. Адольф Кьютелет обратил внимание на обыденное событие: когда в Брюсселе зацветает сирень. После долгого и тщательного наблюдения он заключил, что сирень быстро расцветает, «когда сумма квадратов средних ежесуточных температур начиная с последнего мороза составит в целом цифру, соответствующую 4264°C »[802]. Вот уж это — определенное знание! Учитывая методы организации требуемых наблюдений, вероятно, это был весьма точный вывод. Но он едва ли применим практически. Шутливая формула Кьютелета наводит на размышления о признаках практичного местного знания: оно экономично и точно настолько, насколько нужно, не больше и не меньше.

Некоторые колебания я испытываю перед введением в данное обсуждение еще одного незнакомого термина — метис. Однако этот термин, как мне кажется, лучше передает имеющиеся в виду практические навыки, чем такие выражения, как «местное практическое знание», «народная мудрость», «практические навыки», «технэ» и т. д.[803]

Понятие «метис» пришло к нам от древних греков. Одиссея часто хвалили за то, что у него имеется в изобилии метис, который он использует, чтобы перехитрить своих врагов и вернуться домой. Обычно это слово переводится как «хитрость», «хитроумие». Хотя перевод и верен, он не дает возможности оценить диапазон знаний и навыков, представляемых этим словом. В широком смысле оно означает огромное множество практических навыков и приобретенных сведений в связи с постоянно изменяющимся природным и человеческим окружением. Метис Одиссея был очевиден не только в том, что он обманул Цирцею, циклопа Полифема и приказал привязать себя к мачте корабля для избежания соблазна Сирен, но и в сплочении своих людей, в восстановлении судна и в гибкой тактике вызволения своих спутников из многочисленных опасных ситуаций. Здесь подчеркивается не только способность Одиссея успешно приспосабливаться к постоянно изменяющейся ситуации, но и его умение понимать, и, следовательно, обманывать своих человеческих и божественных противников.

Все человеческие действия требуют значительного уровня метиса, но для некоторых необходимо формирование еще более высокого. Начиная с навыков, которые требуются для приспособления к капризному физическому окружению, на запасе метиса основывается приобретенное знание того, как управлять судном, запускать бумажного змея, ловить рыбу, стричь овцу, водить автомобиль или ездить на велосипеде. Каждый из этих навыков требует глазомера, который приходит в результате практики и умения «читать» волны, ветер или

дорогу и соответствующим образом управлять своим поведением. Одним из важных указаний на то, что все они требуют метиса, является то, что их исключительно трудно преподавать, не прибегая к непосредственной практике. Можно составить четкие инструкции, как ездить на велосипеде, но вряд ли можно себе представить, что такие инструкции позволили бы новичку поехать на велосипеде с первой попытки. Принцип «практика приводит к совершенству» был изобретен как раз для такой деятельности, поскольку непрерывные, почти незаметные приспособления, необходимые для езды на велосипеде, постигаются в процессе самой езды. Необходимое приспособление станет автоматическим только благодаря приобретенному «чувству» равновесия в движении[804]. Не удивительно, что большинство ремесел и профессий, требующих контакта с орудиями и материалами, традиционно требовали долгого ученичества для овладения ими.

Нет сомнений, что некоторые быстрее приобретают определенные умения, чем большинство других людей. Но, не касаясь этого малопонятного отличия (на которое часто указывают как на различие между компетентностью и гениальностью), езде на велосипеде, плаванию, ловле рыбы, стрижке овец и т. д. можно научиться только через практику. Поскольку каждая дорога, ветер, течение и овца различны и постоянно изменяются, хорошему практику, как Одиссею, придется набираться опыта во многих различных ситуациях. Если бы ваша жизнь зависела от корабля, прокладывающего путь при скверной погоде, вы, конечно, предпочли бы капитана с большим опытом вместо, скажем, блестящего физика, который умеет анализировать законы плавания, но никогда не управлял судном.

В качестве примеров людей, обладающих метисом, весьма показательны те специалисты, которые имеют дело с чрезвычайными ситуациями. Пожарники, отряды быстрого реагирования, медики скорой помощи, спасательные группы на авариях в шахтах, врачи в больничных отделениях экстренной помощи, команды, восстанавливающие поврежденные электролинии, отряды, гасящие пожары на нефтяных месторождениях, и, как мы увидим далее, фермеры и пастухи в непредвиденной окружающей обстановке должны быстро и решительно реагировать, чтобы свести к минимуму материальный ущерб или спасти человеческие жизни. Хотя и существует житейский опыт, которому можно обучить и который передается, каждый пожар или несчастный случай уникален, и половина занятых в такой битве людей знает, какие практические правила применить и в какой последовательности, а когда и отбросить эти правила и действовать на свой страх и риск.

Команда Реда Адаира, которая была собрана со всего мира для тушения пожаров на нефтяных скважинах, — яркий и показательный пример. Перед войной 1990 г. в Персидском заливе его команда была единственной, имевшей какой-либо «клинический» опыт, и поэтому Адаир мог сам устанавливать цену своей работе. Каждый пожар преподносил новые проблемы и требовал искусного сочетания опыта и импровизации. Представим себе находящихся почти на противоположных полюсах, с одной стороны, Адаира, а с другой — какого-нибудь младшего клерка, выполняющего одни только повторяющиеся операции. Работа Адаира, безусловно, не может быть сведена к рутинной практике. Он должен *начинать* с непредсказуемого — несчастного случая, пожара — и затем придумывать методы и оборудование (в зависимости от существующих возможностей, конечно, изобретаемых в основном им), предназначенные для тушения пожара в этой конкретной скважине[805]. А клерк имеет дело с предсказуемым, упорядоченным окружением, которое

можно предусмотреть заранее до мельчайших подробностей. Что касается Адаира, он не может упростить окружающую среду, чтобы применить шаблонное решение.

Представленные до сих пор примеры были, главным образом, связаны с отношениями между людьми и окружающей их физической средой. Но метис равно применим и к человеческому взаимодействию. Представьте себе сложные физические действия, которые требуют постоянного приспособления к поступкам, ценностям, желаниям или жестам других. Так, бокс, борьба и фехтование требуют мгновенной автоматической реакции на выпады противника и могут быть освоены только в результате долгой практики самих движений. Здесь также имеет место хитрость. Успешный боксер научится маневрировать движением, чтобы спровоцировать ответный удар, который он может использовать в своих целях. Если исходить из физического содержания таких совместных действий, как танец, исполнение музыкального произведения или совершение акта любви, то и здесь важно подобное же, выработанное практикой живое рождение опыта. Многие спортивные состязания сочетают как кооперативные, так и состязательные аспекты метиса. Футболист должен знать не только действия своих товарищей по команде, но и то, какие командные действия и уловки введут в заблуждение противников. Важно заметить, что такие навыки имеют как родовое сходство, так и специфическое различие: в то время как каждый игрок может быть более или менее квалифицирован в различных аспектах игры, каждая команда имеет свою специфическую комбинацию приемов, свой «стиль», и каждое соревнование с командой соперников предоставляет уникальную возможность проверки его действенности[806].

Такие сложные и рискованные деятельности, как военная дипломатия и политика, вообще представляются навыками, исполненными метиса. Успешный практик в каждом случае пытается влиять на поведение партнеров и противников применительно к собственным интересам. В отличие от моряка, который должен приспособливаться к ветру и волнам, не влияя на них непосредственно, генерал и политический деятель находятся в постоянном взаимодействии со своими коллегами, каждый из которых пытается надуть другого. Быстрая и толковая реакция на непредсказуемые события — как естественные, вроде погоды, событий в близком окружении или передвижений противника, так и искусственные, вроде извлечения наилучшего результата при ограниченных ресурсах, — вид навыка, который невозможно преподать в виде сухой трафаретной дисциплины.

Здесь важно, что чисто эмпирическая природа метиса не позволяет исследовать подобные навыки. Простой эксперимент, проведенный философом Чарльзом Пирсом, поможет понять, что имеется в виду. Пирс просил людей поднимать два тела и решить, которое из них тяжелее. Поначалу их оценка была довольно грубой. Но занимаясь этим в течение длительного времени, люди в конце концов научились выявлять весьма незначительные отличия в весе. При этом они не могли точно описать свои ощущения, свои чувства, но их фактическая способность к оценке веса чрезвычайно возросла. Пирс рассматривал эти результаты как свидетельство некоторой подсознательной связи между людьми через «слабые взаимодействия». Однако для нас это свидетельство иллюстрирует рудиментарный вид знания, которое может быть приобретено только практикой, и тот факт, что оно почти не поддается передаче в письменной или устной форме без непосредственной практики[807].

Оценивая ряд приведенных примеров, можно отважиться на некоторые предварительные обобщения относительно природы метиса и того, где уместно подобное знание. Метис наиболее применим к приблизительно схожим, но никогда не бывающим в точности идентичными ситуациям, требующим быстрой и отработанной реакции, которая становится второй натурой практика. Навыки метиса могут использовать и общепринятые правила, но приобретаются только через практику (часто в обычном ученичестве) и развитое чувство стратегии. Метис сопротивляется его упрощению в дедуктивные принципы, которые могут успешно быть переданы с помощью изучения по книгам, потому что контексты, в которых он применяется, настолько сложны и неповторимы, что формальные процедуры принятия рационального решения становятся невозможными. В некотором смысле метис лежит в том значительном пространстве между областью гениальности, к которой не может быть применена никакая формула, и областью кодифицируемого знания, которое может быть выучено наизусть.

Местное знание

Почему же методы, связанные с любым квалифицированным ремеслом, так плохо подходят для изложения? Художники или повара, заметил Майкл Оукшот, могут пытаться описать свое искусство и свести его к чисто технической информации, но, к сожалению, такому изложению поддается очень небольшая часть их знаний. Познание правил ремесла стенографии не позволяет освоить ее в совершенстве: «Эти правила и принципы представляют собой упрощения самой деятельности; они не имеют смысла вне ее, они, лучше сказать, не могут управлять ею и не могут обеспечить ее познание. Овладение в совершенстве правилами и принципами может сосуществовать с совершенной неспособностью к выполнению той деятельности, к которой они относятся, так как выполнение деятельности вовсе не состоит в применении этих принципов, а даже если бы и состояло, знание того, как применять их (знание фактического выполнения деятельности), не дается в их содержании»[808].

Знание того, как и когда применять практические правила *в конкретной ситуации*, составляет суть метиса. Очень существенны тонкости применения этих правил, потому что метис наиболее ценен в контекстах, которые изменчивы, не определены (неизвестен ряд фактов) и имеют частный характер[809]. Хотя мы еще вернемся к вопросу о неопределенности и изменчивости, я хочу остановиться на дальнейшем исследовании местного характера и специфичности метиса.

Поучительно различие между общей навигационной наукой и частным знанием правил навигации в судовождении. Когда большое грузовое судно или пассажирский лайнер приближаются к большому порту, капитан обычно передает управление местному лоцману, который проведет судно в гавань до причала. То же самое происходит, когда судно покидает причал: его ведет лоцман, пока оно благополучно не выйдет в открытое море. Эта разумная практика позволяет избежать многих несчастных случаев и отражает тот факт, что навигация в открытом море (в более «абстрактном» пространстве) представляет собой общую специализацию, а умение провести судно среди других в некотором определенном порту — сугубо контекстуальный навык. Мы могли бы назвать искусство навигации, которым обладает лоцман, «местным и специфическим знанием». Лоцману известны особенности

местных приливов и отливов, течений вдоль побережья и морских рукавов, уникальные свойства местных ветров и характер волн, мели, неотмеченные рифы, сезонные изменения в течениях, условия движения морского транспорта в местных водах, ежедневные капризы ветров, дующих с мысов и вдоль проливов, и то, как провести судно в этих водах ночью, не говоря уже о том, как благополучно довести множество различных судов до причала в условиях, когда все это сразу меняется[810]. Такое знание по определению специфично, оно может быть приобретено только через практику и местный опыт. Подобно птице или насекомому, которое блестяще приспособилось к своей узкой экологической нише, лоцман знает только *одну* гавань. Если бы его вдруг перевели в другой порт, большая часть его знаний оказалась бы не востребуемой[811]. Хотя информация об условиях определенного порта имеет довольно узкое содержание, именно эта информация должна преобладать в знаниях лоцмана, и с этим согласны командиры кораблей, капитаны портов и, не в последнюю очередь, те, кто страхует морскую торговлю от потерь. Практический опыт лоцмана в *местном масштабе важнее* общих правил навигации.

Классическое произведение Марка Твена «Жизнь на Миссиссипи» подробно описывает знания и навыки, приобретаемые речными лоцманами. Важная часть этих знаний — сугубо практические сведения о внешних приметах, которые могут предупреждать о мелях, подводных течениях или других опасностях. Многие из этих весьма специфических сведений получены в связи с плаванием именно по Миссиссипи в различные времена года и при разных уровнях воды — знания, которые могли быть приобретены в определенном месте только через опыт. Хотя имеется нечто, что собственно могло бы называться общей наукой о реках, это знание оказывается весьма ненадежным и неудовлетворительным, когда дело доходит до конкретного путешествия по конкретной реке. Местный лоцман не менее необходим на данной реке, чем местный проводник где-нибудь в джунглях или местный гид в бельгийском городе Брюгге или в медине древнего арабского города.

Практика и опыт, отраженные в метисе, всегда носят *местный* характер. Так, инструктор по скалолазанию может быть лучшим в Зермате, если он часто совершал там восхождения, пилот — лучшим на «Боинге-747», на котором он обучался, а хирург-ортопед может лучше всего разбираться в коленных суставах, потому что именно в этом он специализировался. Не вполне ясно, какой частью их собственного метиса могут воспользоваться эти специалисты, если каждого из них внезапно перебросить соответственно на Монблан, на борт маленького самолетика и на лечение кистей рук.

В каждом случае применение конкретного умения связано с некоторым приспособлением к местным условиям. Для ткача любая нить различима на ощупь. Для гончара новая глина «работает» по-другому. Длительный опыт работы с различными материалами в итоге создает эффект почти автоматического выполнения таких приспособлений. Специфичность знания идет даже глубже — каждый ткацкий станок или гончарное колесо имеет свои отличительные качества, которые ремесленник должен знать и оценивать (или уметь к ним приспособиться). Следовательно, общее знание, которое применяется на деле, требует некоторого образного перевода. Совершенное знание ткацких станков не переводится само собой в успешное овладение некоторым конкретным ткацким станком с особенностями его конструкции, использования, составных частей и ремонта. Разговоры о мастерстве овладения определенным ткацким станком, искусством плавания по такой-то реке, умении в

совершенстве управлять конкретным трактором или автомобилем не нелепы; они указывают на размер и значимость разрыва между общим и частным знаниями.

Местное знание можно считать *заинтересованным* в противоположность общему знанию. Иначе говоря, носитель такого знания обычно сильно заинтересован в определенном результате. Компания, страхующая коммерческие грузовые перевозки крупной морской фирмы с высокими капиталовложениями, может позволить себе допустить вероятность непредвиденного несчастного случая. Но для моряка или капитана, рассчитывающего на безопасный рейс, авария есть исход единичного случая, конкретного плавания. Метис представляет собой способность и опыт, необходимые для того, чтобы повлиять на результат — усилить перевес в положительную сторону — именно в конкретном случае.

Все рассмотренные нами государственные упрощения и утопические схемы касались деятельности, которая давала в пространственном и временном отношении уникальный результат. Знание о лесоводстве, революции, городском планировании, сельском хозяйстве и поселении вообще будет полезно для нашего понимания *этого* леса, *этой* революции и *этой* фермы только до определенной степени. Все сельское хозяйство существует в определенном месте (поле, почва, культуры), в определенном времени (погодные условия, время года, смена популяций вредителей) и в определенных целевых объектах (потребности и вкусы семьи). Механическое применение общих правил, которое игнорирует эти особенности, приводит к практическим неудачам и социальному разочарованию. Общая формула не дает и не может давать местного знания, которое только и делает возможным успешное преобразование с необходимостью недостаточно подробных общих представлений в успешное и детальное приложение в местном контексте. Чем более общими оказываются правила, тем более подробного перевода на язык местных обстоятельств они требуют. И дело не просто в том, что капитан и штурман осознают, что их практические навыки уступают совершенному местному знанию лоцмана. Это скорее признание того, что сами практические правила в значительной степени являются кодификацией, выведенной из реальной практики мореплавания и навигации.

Последняя аналогия может помочь объяснить отношение между общими практическими правилами и метисом. Метис не простая спецификация местных значений (таких, как средняя температура и количество осадков), которая позволяет успешно применять общую формулу к данному случаю. Если сравнивать с разговорным языком, то практические правила родственны формальной грамматике, тогда как метис больше похож на реальную речь. Метис нельзя вывести из общих правил, как речь не выводится из грамматики. Речь развивается с младенчества путем подражания, попыток применения на практике, через пробы и ошибки. Изучение родного языка — стохастический процесс, процесс последовательных самокорректирующихся приближений. Мы не изучаем сначала алфавит, состав слова, части речи, правила грамматики и не пытаемся потом использовать это знание, чтобы построить грамматически правильное предложение. Более того, как указывает Майкл Оукшот, знание правил речи совместимо с полной неспособностью говорить связными предложениями. Скорее уж грамматические правила являются производными от практики реальной речи. Современное преподавание языков, цель которого — научить свободно вести разговор, признает это и начинается с простой речи и механического копирования для закрепления речевых образцов и акцента, оставляя

грамматические правила нетронутыми, их вводят позже для систематизации и подведения итогов практического овладения языком.

Подобно языку, метис — местное знание, необходимое для успешного ведения сельского хозяйства, по всей вероятности, лучше всего приобретается через ежедневную практику и опыт. Подобно долгому ученичеству, воспитание в домашнем хозяйстве, где постоянно практикуется какое-то ремесло, часто представляет наиболее удовлетворительную подготовку к овладению этим ремеслом. Такой вид приобщения к профессии может больше способствовать закреплению навыков, чем смелые инновационные предложения. Любая методическая формула, которая исключает или подавляет опыт, знание и адаптивность метиса, рискует быть непоследовательной и неудачной; обучение говорить связными предложениями привлекает гораздо больше материала метиса, чем простое изучение правил грамматики.

Связь метиса с эпистеме и техне

Для греческих философов, особенно для Платона, эпистеме и техне представляли собой знание совершенно другого порядка, нежели метис[812]. Прагматично-техническое знание, или техне, могло быть выражено точно и исчерпывающе в форме строгих и неукоснительных правил (*не эмпирические правила*), принципов и заключений. В наиболее строгом отношении знание техне основано на логическом выводе из самоочевидных начальных постулатов. Как идеальный тип техне радикально отличается от метиса по тому, как оно получено, кодифицировано и преподносится, как модифицируется и какую аналитическую точность оно дает.

Где метис контекстуален и специфичен, техне универсален. В логике математики десять, помноженное на десять, всюду и всегда равняется сотне; в геометрии Евклида прямой угол — это угол в девяносто градусов; в физике точка замерзания воды принимается за нуль шкалы Цельсия[813]. Техне — твердое знание; Аристотель писал, что техне «возникает, когда многие представления, полученные из опыта, позволяют вывести универсальные заключения относительно группы сходных явлений»[814]. Универсальность техне является результатом того, что аналитически оно организовано с помощью простых, ясных и логических переходов и поддается анализу и проверке. Эта универсальность означает, что знание в форме техне можно преподавать как формальную дисциплину. Законы техне дают теоретическое знание, которое может иметь, а может и не иметь практическое приложение. Наконец, техне характеризуется безличной, часто количественной точностью и требует объяснения и проверки, а метис связан с личным навыком, возможностью «потрогать» и практическими результатами.

Если описание техне как идеальной или общепринятой системы знаний напоминает образ современной науки, это никакая не случайность. Однако актуальная *практика* науки представляет собой нечто совсем другое[815]. Правила техне учат кодифицировать, выражать и проверять знания, *как только* они обнаружены. Никакие правила техне или эпистеме не могут объяснить научного изобретения и его сути. Открытие математического закона требует гениальности и, возможно, метиса, но его доказательство должно следовать принципам техне[816]. Таким образом, методичные и объективные правила техне

способствуют получению знания, которое может быть без особого труда организовано, полностью подтверждено и которое допускает формальное преподавание, но оно не может непосредственно само добавить что-либо к себе или объяснить, как оно появилось[817].

Кроме того, техне является характеристикой отдельных систем рассуждения, в которых выводы могут быть логически получены из начальных предположений. Степень, до которой форма знания удовлетворяет этим условиям, есть уровень ее объективности, универсальности и совершенной невосприимчивости к контексту. Но контекстом метиса, как подчеркивают Детьен и Вернан, всегда оказываются «ситуации, которые временны, изменчивы, неоднозначны и сбивают с толку; ситуации, которые не поддаются точной оценке, строгому анализу и твердой логике»[818]. Нусбаум убедительно показывает, как Платон попытался (главным образом в своем произведении «Республика») преобразовать царство любви, которое по определению полностью является сферой случайности, желания и импульса, в царство техне или эпистемы[819]. Платон расценивал мирскую любовь, как чувство, подвластное более низким желаниям, и надеялся очистить ее от этого основного инстинкта, чтобы она могла более походить на философский поиск истины. Превосходство чистого рассуждения, особенно научной и математической логики, заключается в том, что оно «сосредоточено на предмете, в высшей степени непоколебимо и стремится к истине». Цели такого рассуждения «извечны и независимы от того, что люди делают и говорят»[820]. То, что человек любит или *должен* любить, утверждал Платон, не есть сам объект любви, а идеализированные формы совершенной красоты, отраженные в любимом человеке[821]. Только на этом пути любовь могла бы оставаться прямой и разумной, свободной от желаний.

Сферы человеческой деятельности, наиболее свободные от случайности, неоднозначности, контекста, желания и личного опыта и, таким образом, свободные от метиса, в итоге оказались самыми высокими человеческими устремлениями. Таковы философские исследования. Можно понять, почему на основании таких критериев евклидова геометрия, математика, некоторые содержательные формы аналитической философии и, возможно, музыка рассматриваются как самые совершенные занятия[822]. В отличие от естествознания и конкретных экспериментальных наук эти дисциплины существуют как царства абсолютной мысли, не тронутые случайными обстоятельствами материального мира. Они рождаются в голове или на чистом листе бумаги. Теорема Пифагора $a^2 + b^2 = c^2$ истинна для всех прямоугольных треугольников везде и всегда.

В западной философии и науке (включая социологию) периодически повторялись усилия переработать системы знания, чтобы исключить неопределенность и обеспечить логическую дедуктивную строгость, которой обладала евклидова геометрия[823]. В естествознании результаты попыток оказались впечатляющими. Что касается философии и гуманитарных наук, усилия были столь же настойчивыми, но результаты более неоднозначными. Известная декартовская эпистема «Я мыслю, следовательно, существую» представляла первый шаг математического доказательства и была «ответом на беспорядок, который угрожал уничтожением общества»[824]. Иеремия Бентам и утилитаристы пытались с помощью вычисления удовольствия и боли (гедонизм) свести изучение этики к чистой естественной науке, к исследованию «каждого, могущего повлиять на индивидуума обстоятельства, которое отмечается и регистрируется; ничто не... оставлено случайности, прихоти или неуправляемой свободе действий, все обследуется и заносится в размер,

числе, весе и мере»[825].

В конце концов благодаря статистике и теории вероятностей даже сама случайность (*tuche*), которой техне стремилась овладеть, была представлена отдельным фактом, способным входить в формулы техне. Возможность сопутствующего ей риска могла быть определена с известной долей вероятности и становилась фактом, подобно всем другим, а неопределенность (где неизвестна упомянутая вероятность) все еще лежит вне досягаемости техне[826]. Интеллектуальная «карьера» риска и неопределенности характерна для многих областей исследования, в которых зона влияния анализа была переформулирована и сужена, чтобы исключить элементы, которые могли быть только определены, а не измерены. Лучше сказать, методы были направлены на изолирование и приручение тех аспектов ключевых переменных, которые можно было выразить количественно (общественное богатство — объемом национального продукта, общественное мнение — количеством голосов, ценности — психологическими опросами). Подобному преобразованию подверглась, например, неоклассическая экономика. Потребительские предпочтения считаются заранее известными, а затем учитываются, чтобы вынести за скобки вкус потребителя как главный источник неопределенности. С изобретательской и предпринимательской деятельностью обращаются как с чем-то внесистемным и выбрасывают их за рамки дисциплины как слишком неподатливые, чтобы подчиняться оценке и прогнозу[827]. Дисциплина вобрала в себя вычисляемый риск и изгнала те темы, где преобладала сущностная неопределенность (экологическая угроза, изменения потребительского вкуса)[828]. Стивен Марглин указывает, что «акцентирование личного интереса, вычисление и максимизация в экономике» являются классическими примерами «очевидных постулатов» и отражают «скорее идеологическое принятие превосходства эпистеме, чем серьезную попытку распутать сложности и тайны человеческой мотивации и поведения»[829].

Логика таких переформулирований аналогична экспериментальной практике и установлению границ современного научного сельского хозяйства. Сузив область своего изучения, оно чрезвычайно выиграло в четкости и научной силе, убрав возможные неуместные и неприятные сюрпризы за пределы своих искусственных границ[830]. Техне наиболее подходит тем видам деятельности, «которые имеют единственную цель, и цель эта может быть конкретно указана отдельно от самой деятельности и может быть измерена количественно»[831]. Так, решение задачи, с которой с наибольшим успехом справилось научное сельское хозяйство, — как собрать больше бушелей урожая при наименьших затратах на акр земли, было продемонстрировано на испытаниях одной культуры в течение одного сезона на опытных участках. Вопросы общественной и хозяйственной жизни, семейные нужды, длительное сохранение почвенной структуры, экологическое разнообразие и его поддержание трудно и вобрать, и целиком исключить. Формулы эффективности производственных функций и разумной деятельности могут быть выведены только тогда, когда желанные перспективы просты, ясно определены и, следовательно, измеримы.

Проблема, как признавал Аристотель, состоит в том, что некоторые реальные возможности «даже в принципе не могут быть как надо и полностью отражены системой универсальных правил»[832]. Он выделил навигацию и медицину как два вида деятельности, в которых

практическая мудрость, связанная с большим опытом, обязательна для наилучшего выполнения работы. Таковы практики, полные метиса, в которых требуется быстрая реакция, импровизация и умелые последовательные приближения к ситуации. В отличие от Платона, Сократ преднамеренно воздерживался от записей своих обучающих бесед, поскольку верил, что область философии принадлежала больше метису, чем эпистеме или техне. Письменный текст, даже если он и принимает форму философского диалога, представляет собой выхолощенный набор кодифицированных правил. Устный диалог, напротив, является живым и зависящим от взаимопонимания участников, достигая таких результатов, которые не могли быть определены заранее. Сократ, несомненно, полагал, что взаимодействие между учителем и учениками, которое теперь называется сократическим, а не итоговый текст, и есть философия[833].

Практический опыт и научное знание

Только осознав потенциальные возможности и диапазон охвата метиса, можно оценить, какой ценной информации лишают себя высокомодернистские системы, когда, не обращая внимания ни на что, навязывают свои планы. Одной из основных причин отвержения метиса, особенно в самовластной империи научного знания, является довод о том, что «открытия» метиса практичны, контекстуальны и привязаны к конкретному времени, а научные рассуждения обещают обобщенные решения.

Мы проследили особенности метиса в действии на исторически сложившихся традиционных измерениях площади — веса и объема. Его задачей всегда было достижение частной цели или выражение характерной местной особенности (например, «ферма двух коров»), а не приспособление к какой-то универсальной единице измерения. Очевидно, что такие народные мерилы, подобно примете Скванто, часто передавали больший объем информации, чем это смогла бы сделать абстрактная мера, причем эта информация, конечно, была более уместна *локально*. Этот локальный практический показатель менялся от места к месту и тем самым гарантировал, что он будет запутанным, невнятным и не поддающимся кодификации в целях политического государственного управления.

Подобной логике в основном следует классификация местной флоры среди туземцев. Важно то, что существенно для местного использования и ценности. Так, категории, согласно которым классифицируются различные растения, следуют за целями их практического использования: годится для приготовления супа, пригодно для изготовления бечевки, полезно для заживлении порезов, эффективно при расстройствах желудка, ядовито для рогатого скота, нужно для плетения ткани, предпочитается кроликами, подходит для изготовления ограда и т. д. Однако эта сумма знаний никогда не статична, она постоянно расширяется вследствие приобретения практического опыта. И категории, на которые разделена существующая совокупность растений, вовсе не похожи на ботанические категории Линнея, предпочитаемые научными исследователями[834].

Безошибочным показателем для метиса является практический успех. Благополучно ли прошло плавание для лоцмана? Перехитрили ли циклопа уловки Одиссея? Помог ли компресс от ожога? Был ли урожай фермера обильным? Если для поставленной цели метод работает эффективно и с неоднократно повторяющимся эффектом, носители метиса

особенно не задумываются, почему и как он действует и каков точный механизм его действия. Их намерение состоит вовсе не в том, чтобы внести свой вклад в обширную сумму знаний, им нужно решить конкретные проблемы, которые стоят перед ними. Это не значит, что носители метиса не занимаются изобретательством. Большинство из них, бесспорно, занимается этим. До весьма недавнего времени фактически все сельскохозяйственные усовершенствования происходили скорее на местах, чем в промышленности или науке. Но это указывает, что новшества метиса будут обычно представлять собой некое новое сочетание существующих элементов системы (бриколаж, используя термин Леви-Стросса)[835], а не изобретение вроде трактора для увеличения силы тяги; трактор не фермеры выдумали[836]. Кроме того, в результате бриколажа практического знания часто появлялись сложные методы — поликультурность, стратегии закрепления почв, которые превосходно работают, но так и не поняты (пока?) наукой.

Сила практического знания зависит от скрупулезного и проникательного изучения окружающей среды. К настоящему моменту уже очевидно, почему традиционные земледельцы, подобные Скванто, такие превосходные наблюдатели, но причины этого стоит перечислить в контексте сравнения с научным знанием.

Во-первых, результаты тщательного наблюдения жизненно важны для этих земледельцев. В отличие от ученого-исследователя или консультанта по вопросам сельского хозяйства, которым не приходится следовать своим советам, крестьянин сам — является непосредственным потребителем собственных решений. В отличие от типичного современного фермера, у крестьянина нет дополнительных специалистов, на которых можно положиться, кроме как на своих соседей, имеющих кое-какой опыт; он должен принимать решения, опирающиеся на собственные знания.

Во-вторых, я уверен в том, что бедность, предельно низкое экономическое состояние многих земледельцев сами по себе уже представляют вескую причину для тщательного наблюдения и экспериментирования. Представьте гипотетический случай: два рыбака должны прокормиться от реки. Один рыбак живет у реки, где улов устойчив и избыточен, другой — у реки, где улов изменчив и редок, допускает только бедное и сомнительное пропитание. Более бедный из них, несомненно, будет непосредственно жизненно заинтересован в изобретении новых методов ловли рыбы, в тщательном наблюдении за повадками рыбы, в точном расположении сетей и запруд, в выборе времени, в признаках сезонных косяков различных видов рыб во время миграции и т. д. И при этом мы не должны забывать, что крестьянин-земледелец или пастух живет на месте своих наблюдений из года в год. Он будет наверняка знать то, чего никогда не заметит ни ленивый земледелец, ни ученый-исследователь[837]. Наконец, как упомянуто в предыдущей главе, такой земледелец всегда является членом сообщества, служащего его жизненным окружением, устной справочной библиотекой результатов наблюдений, использования методов и экспериментирования — суммарным знанием, которое никогда и никакой индивидум не смог бы накопить в одиночку.

Пытливый характер донаучных людей, зачастую формируемый смертельными опасностями, привел ко многим важным открытиям. Южноамериканские индейцы обнаружили, что кора хинного дерева — очень эффективное средство против малярии, ничего не зная об активном

компоненте коры — хинине или о механизме его действия. На Западе знали, что некоторые пищевые продукты вроде ревеня, используемые ранней весной, помогают ослабить симптомы цинги, хотя никто не имел никакого представления о витамине С. Плесень, появляющаяся на некоторых сортах хлеба, использовалась для задержания развития инфекции задолго до появления пенициллина[838]. Согласно Анилу Гупта, по грубой прикидке три четверти современной фармакопеи — производные традиционно известных медицинских средств[839]. Даже при отсутствии лекарств люди часто знали, как уменьшить возможность подцепить страшную инфекционную болезнь. Лондонцы в романе Даниэля Дефо «Дневник чумного года» знали, что переезд в сельскую местность, а если не удастся, уединение в своем доме значительно повышали шансы выживания в период бубонной чумы в 1665 г.[840] Поскольку теперь известно, что переносчиками чумы были блохи, распространяемые крысами, можно понять, почему эти способы часто срабатывали, но современники Дефо, даже при их ошибочном представлении, что чума была вызвана испарениями, тем не менее своими решениями попали в точку.

Наиболее впечатляющая иллюстрация практики, предшествующей науке, — использование натурального оспопрививания с целью проверки его влияния на распространение оспы, которое было известно задолго до разработки сэром Уильямом Дженнером метода прививки оспы в 1798 г. История, которую выразительно и подробно анализирует Фредерик Апффел Марглин, потому поучительна, что она демонстрирует, как только в силу метиса был создан метод прививок, который предвосхитил открытие, справедливо считающееся великой вехой в научной медицине[841]. Вообще, защита традиционной медицины перед лицом современных медицинских исследований и результатов экспериментальной практики — последняя тема, которую я намерен затронуть здесь[842]. Мое изложение истории внедрения вакцинации должно прояснить, как часто местное знание, пробы и ошибки, которые великодушнее назвать стохастическим методом, давали практические решения, не использующие преимуществ научного метода.

По крайней мере, к XVI в. прививка оспы была широко распространена в Индии, на Ближнем Востоке, в Европе и Китае. Практика состояла в использовании вводимой неглубоко в кожу или вдыхаемой человеческой оспенной субстанции, которая заражала человека слабой формой оспы, редко когда с летальным исходом. Никогда не использовался «свежий» оспенный материал — из пустул или струпьев больного с натуральной инфекцией в активной форме. Прививочный материал обычно изготавливался из разжиженного вещества, взятого у тех людей, у которых наблюдался слабый характер течения болезни в период эпидемии предыдущего года, или из вещества, взятого из пустул тех, кому была сделана прививка за год до этого. Дозировка регулировалась согласно весу и возрасту пациента.

Принцип, на котором основано оспопрививание, тот же самый, что лежит в основе гомеопатии, и отражал очень старую практику. Прививка в той или иной форме широко проводилась задолго до рождения современной медицины. В Индии оспопрививание выполнялось жрецами и входило в обряд поклонения богине Ситале[843]. В других обществах культурные установления, несомненно, были иными, но фактическая практика были той же самой.

Надо заметить, что открытие Дженнером вакцины, использующей сыворотку коровьей оспы, не было совсем уж новостью. Молодая доярка как-то сказала ему, что она защищена против оспы, потому что уже переболела коровьей оспой. Следуя этой подсказке, Дженнер вколол коровью оспу своим собственным детям и увидел, что они не дали никакой реакции на последующую прививку натуральной оспы. Конечно, вакцинация была большим прогрессом по сравнению с натуральным оспопрививанием. Поскольку в оспопрививании использовался свежий материал, он вызывал хоть и слабую, но все же активную форму инфекции, и от 1 до 3% тех, кому делали прививку, умерли от этой процедуры; тем не менее это гораздо лучше по сравнению с одним или двумя из шести людей, погибающих в эпидемию. Метод Дженнера использовал умерщвленный вирус, избегая таким образом инфекции, и его прививка имела замечательно низкий ятрогенный уровень: только один из тысячи умирал непосредственно от прививки. Такому достижению справедливо отдается должное, но важно признать, что «вакцинация Дженнера была не резким скачком вперед, а прямым потомком и наследником натурального оспопрививания»[844].

И хотя оспопрививание трудно сравнивать с вакцинацией, оно было впечатляющим достижением практической донаучной медицины. Принцип прививки был оценен издавна, и можно себе представить огромное число практикующих специалистов в инфицированных сообществах, прилагающих усилия к развитию успешного метода борьбы с болезнью. Как только была установлена эффективность нового метода лечения, информация о нем распространилась быстрее, чем любая эпидемия, заменив менее успешные профилактические меры. Здесь нет никакого волшебства. Компоненты такого практического знания просты: давление необходимости (в данном случае речь шла буквально о жизни и смерти), несколько подающих надежду примеров, которые сработали в аналогичных ситуациях (прививка), большая армия добровольных экспериментаторов, желающих опробовать почти любое средство[845], время, чтобы навык «отстоялся» (экспериментаторы и их клиенты наблюдали за результатами различных стратегий в течение последовательных эпидемий) и на распространение (через коммуникативные связи) экспериментальных результатов. И было бы удивительно, если бы такое объединение жгучего интереса, тщательного наблюдения, большого количества специалистов-энтузиастов, пробующих различные возможные варианты, и времени, необходимого для проведения опытов и исправления возможных ошибок, не дало бы множества новых решений практических проблем. Те, кто занимался прививкой оспы до Дженнера, мало чем отличались от земледельцев, ведущих поликультурные посадки, описанные Полом Ричардсом. Они действительно изобретали, а не просто натыкались на нечто такое, что успешно действовало, совершенно не имея понятия о механизме работы этого нечто. И хотя существовал большой риск, что они сделают ложные выводы из того, что они видели, это не уменьшало практической ценности их бриколажа.

Метис с его упором на практическое знание, опыт и стохастическое рассуждение, конечно же, не просто ныне вытесненный предшественник научного знания. Это способ рассуждения, наиболее соответствующий сложным материальным и социальным задачам, где неопределенность так велика, что мы должны доверяться нашей интуиции, основанной на опыте, и проверять каждый свой шаг. Описание управления гидроресурсами в Японии, данное Альбертом Говардом, предлагает нам поучительный пример: «Контроль почвенной эрозии в Японии подобен игре в шахматы. Лесничий, изучив размытую водами долину,

делает свой первый ход, расположив и построив в определенном месте одну или несколько контрольных дамб. Он ждет ответного хода матушки-природы. Она, в свою очередь, определяет последующий ход лесничего, который может состоять в строительстве еще одной или двух дополнительных дамб, увеличении размеров прежней дамбы или в строительстве опоры, подстраховывающей стены дамбы. Еще одна пауза для размышления, потом следующий ход и т. д., пока эрозии не нанесено поражение. Действия естественных сил, таких, как образование осадка и появление новой поросли, находятся под присмотром и используются с наибольшей выгодой, чтобы снизить затраты и получить практические результаты. *Невозможно предпринять что-либо большее, чем это уже сделано самой природой в данном месте*»[846]. В своем примере Говард неявно признает, что имеет дело со «знанием определенной долины».

Каждый благоразумный маленький шаг вперед, основанный на предшествующем опыте, порождает новые и не вполне предсказуемые эффекты, которые станут точкой отсчета для следующего шага. Фактически любая сложная задача, содержащая множество переменных, значение и взаимовлияние которых невозможно точно спрогнозировать, принадлежит к подобным сюжетам: строительство дома, ремонт автомобиля, усовершенствование нового реактивного двигателя, хирургическая операция на колене или возделывание участка земли[847]. Там, где во взаимодействие вовлекается не только материальное окружение, но и социальное — строительство и заселение новых деревень или городов, организация революционного захвата власти или коллективизация сельского хозяйства — разум может оробеть перед множеством взаимодействий и их неопределимости (в отличие от измеримых возможностей).

Более 35 лет тому назад, признавая невыразимую сложность амбициозной социальной политики, Чарльз Линдблом подбросил в речевой обиход незабываемое выражение «наука выкарабкивания»[848], пытаясь с его помощью выразить сущность практического подхода к крупномасштабным политическим проблемам, которые не могли быть полностью понятыми, не говоря уже о всестороннем подходе к ним. Структуры государственных служб, жаловался Линдблом, неявно допускали предсказуемость политического действия, в то время как на практике знание было ограничено и фрагментарно, а средства никогда не могли быть четко отделены от целей. Его характеристика существующей политической практики подчеркивала постепенность подобного подхода, последовательность проб и ошибок, которая постоянно должна была пересматриваться в свете предыдущего опыта и прирастала урывками[849]. Альберт Хиршман сделал тот же самый вывод, хотя и более метафорический, сравнивая социальную политику со строительством дома: «Архитектор социального переустройства никогда не сможет иметь надежного проекта. Не только каждое здание, которое он строит, отлично от любого, уже построенного; в его строительстве обязательно используются новые материалы и даже эксперименты с не проверенными еще на практике законами напряжений и принципами конструкции сооружений. Так что наибольшую пользу строители получают от осознания того, что только опыт позволит закончить данное строительство при других обстоятельствах»[850].

Взятые вместе позиции Линдблома и Хиршмана равнозначны хорошо продуманному стратегическому отступлению от претенциозного к всестороннему и рациональному планированию. Если отбросить социологический жаргон, термины «угадывание»(а не

«искусство предсказания») и «удовлетворительность» (а не «максимизация») описывают мир, живущий и действующий с помощью догадок и житейских правил, что очень похоже на метис.

Познание не из книг

Подход постепенного «выкарабкивания» кажется единственным логичным курсом в такой сфере, как контроль эрозии или социальная политика, где наверняка что-нибудь пойдет не так. Тот факт, что в этих случаях уровень неопределенности, а следовательно, и потенциальной угрозы может быть уменьшен при ведении процесса более управляемыми шагами, вовсе не означает, что любой новичок сможет взять на себя ответственность за его выполнение. Напротив, только человек с большим опытом окажется способным взвесить все за и против результатов начального шага, чтобы определить последующий. Представьте себе гидрологов или политических руководителей, которые не раз попадали во внештатные ситуации и сумели выкрутиться. Их реакция будет более квалифицированной, их суждение в оценке среды надежнее, их понимание того, какие здесь возможны неожиданности, более точным. Еще раз подчеркнем, что некоторую часть их способностей можно выразить и передать другим, но многое из них так и осталось бы скрытым, прежде всего интуиция, которая появляется в результате долгой практики. Рискну сказать кое-что о совершенно невыразимом, хочу дать понять, насколько важно такое знание и насколько труден его перевод в кодифицируемую форму[851].

Информация метиса зачастую настолько неявна и произвольна, что его носитель не может объяснить, чем он, собственно, руководствуется[852]. На ранних стадиях обучения медицине всегда рассказывают историю о враче, который в начале века имел небывалый успех в диагностике сифилиса на ранних стадиях. Лабораторные испытания подтверждали его диагнозы, но сам он не знал точно, что именно вело его к верным заключениям. Заинтригованные его успехом руководители больницы попросили двух других докторов в продолжение нескольких недель пристально понаблюдать за ним во время приема пациентов и определить, какие же признаки болезни он замечал. В конце концов и наблюдатели, и сам врач поняли, что он подсознательно регистрировал небольшое подергивание глаз пациентов. В результате подергивание глаз стало признанным признаком сифилиса. И хотя это интуитивное чувство и смогло принять кодифицированную форму, поучительно здесь, что этот признак мог быть распознан только благодаря скрупулезному наблюдению и длительному клиническому опыту, и то подсознательно.

У любого опытного ремесленника развивается большая совокупность действий, визуальных оценок, чувство осязания или чувство структурного видения, помогающие ему выполнять работу, а также круг тонких интуитивных подходов, рожденных посредством опыта и не поддающихся передаче иначе как через практику. Несколько примеров помогут передать тонкости и нюансы подобного репертуара умений. В Индонезии бывалые бугисские морские капитаны, крепко спящие в каюте, моментально просыпаются при изменении курса корабля, погоды, морского течения или возможной комбинации всех трех условий. Когда волны океана изменяют амплитуду колебаний или начинают ударять в судно с другой стороны, шкипер немедленно чувствует перемену благодаря небольшим изменениям в бортовой качке и крене судна.

В те времена, когда при заболевании дифтерией в городе пациента изолировали дома, один доктор взял с собой молодого студента-медика на обход. Когда их впустили в переднюю дома, в котором был карантин, прежде чем они начали осматривать пациента, врач остановился и сказал: «Погодите. Принюхайтесь! Никогда не забывайте этот запах, это — запах дифтерийного дома»[853]. Другой доктор однажды сказал мне, что, осмотрев в большой клинике тысячи младенцев, он может, только взглянув на младенца, точно сказать, серьезно ли тот болен и нуждается ли в немедленном лечении. Врач не мог указать визуальную подсказку, которая позволяла ему делать заключение, но предполагал, что это было какое-то сочетание цвета лица, выражения глаз, состояния кожи и живости ребенка. Альберт Говард приводит еще один убедительный пример «пристрелянного» взгляда: «Опытный фермер может сделать вывод о плодородии почвы и качестве перегноя с помощью растений — по их силе, развитию, обилию корней, здоровому „румянцу“... Это также подходит и для определения здоровья животных на хорошем пастбище». Действительно, продолжает он, «нет необходимости взвешивать или обмерять их. Достаточно взглянуть глазами успешного скотовода или мясника, привыкших иметь дело с первосортными животными, чтобы заключить, все ли нормально или что-то не так с почвой, содержанием скота или обоими условиями одновременно»[854].

Какова основа такого понимания или интуиции? Мы могли бы назвать эти навыки «профессиональными хитростями» (не в смысле ввода в заблуждение), которыми обладают наиболее «искусные» практикующие специалисты[855]. Важно обратить внимание на то, что фактически все суждения, основанные на интуиции, которые описаны в этих коротких эпизодах, могли быть проверены путем опытов и измерений. Дифтерия может быть обнаружена лабораторным путем, анемия ребенка может быть подтверждена анализом крови, а бугисский морской волк может выйти на палубу, чтобы удостовериться в изменении направления ветра. Это дает уверенность тем, кто имеет и интуицию, и доступ к формальному измерению, в том, что их заключение может быть подтверждено. Но эпистемическая альтернатива метису гораздо медленнее, более кропотлива, требует более интенсивного капиталовложения и не всегда убеждает. Нет никакой замены метису, когда нужны быстрые суждения высокой (но не совершенной) точности, когда важно оценить ранние признаки, которые подскажут, насколько хорошо или плохо идут дела. В случае опытного доктора именно метис на деле подскажет решение относительно того, необходимы ли анализы, и если да, то какие именно.

Даже та часть метиса, которая может быть передана житейскими правилами, есть кодификация практического опыта. Варить кленовый сироп — большое искусство. Если переварить, сок выкипит. Конечную точку работы можно определить с помощью термометра или ареометра (который укажет определенную вязкость). Но люди с опытом ждут пену из маленьких пузырей, образующихся на поверхности сока непосредственно перед тем, как он начинает выкипать, и эта картина представляет собой визуальное практическое правило, которое гораздо легче использовать. Однако, чтобы выработать интуицию, *необходимо* по крайней мере единожды ошибиться и испортить дело. Китайские рецепты, что всегда развлекало меня, часто содержат следующую инструкцию: «Нагрейте масло, пока оно *почти* не закипит». Рецепты предполагают, что повар достаточно часто ошибался, чтобы помнить о том, как выглядит масло непосредственно перед тем, как оно начинает кипеть. Сугубо практические правила для кленового сиропа и масла, по определению, есть правила,

полученные благодаря опыту.

Те, у кого не было доступа к научным методам и лабораторной проверке, часто полагались на метис и в результате получали ценный ряд необыкновенно точных знаний и искусных умений. Традиционные навигационные навыки до эпохи секстантов, компасов, карт морских путей и гидролокатора представляют подходящий пример. Я здесь снова обращаюсь к знаменитым бугисским мореплавателям, потому что их навыки были столь блестяще документированы Джином Аммареллом[856]. В отсутствие таблиц морских приливов они разработали надежные схемы прогноза увеличения и уменьшения морских приливов и отливов, направления течений и относительной силы потоков, которые все были жизненно важными для их навигационных планов и гарантии безопасности[857]. Делая расчеты на основе времени дня, числа дней в лунном цикле и периода муссонов, бугисский шкипер держит в своей голове схему, которая обеспечивает его всей точной и необходимой информацией о морских приливах. С точки зрения астронома кажется странным, что схема никак не ссылается на угол склонения Луны. Но так как сезон муссонов непосредственно связан с этим явлением, он эффективно служит полномочным замещающим признаком. Система знаний бугисского шкипера может быть восстановлена в письменной форме, что и сделал Аммарелл для иллюстрации, но среди бугисов ее изучали устно и в повседневном ученичестве. Учитывая сложность явления, с которым приходилось иметь дело, схема для оценки и прогнозирования морских приливов и отливов была изящной, простой и чрезвычайно эффективной.

**** Динамизм и пластичность метиса

Термин «традиционный» в выражении, например, «традиционное знание» — слово, которого я тщательно избегал, уводит в сторону[858]. В середине XIX в. исследователи Западной Африки наткнулись на племена, выращивающие кукурузу, злак Нового Света, в качестве своего главного продукта. Хотя было маловероятно, что западноафриканские народности возделывали кукурузу более чем два поколения, но ее выращивание уже было окружено сложными ритуалами и мифами о богине кукурузы или духе, который дал им первые зерна. Поразительной была и готовность, с которой люди приняли кукурузу, и быстрота, с которой они ввели ее в свои традиции[859]. Наблюдаемое распространение метода прививок по четырем континентам представляет еще один пример того, как быстро и повсеместно «народы, поддерживающие традиции» перенимают методы, которые относятся к жизненно важным проблемам. Примеров тому множество. Швейные машины, спички, электрические фонари, керосин, пластиковая посуда и антибиотики представляют только крошечную часть изделий, которые позволили решить насущные вопросы или облегчили тяжелую и нудную работу и потому были с готовностью приняты[860]. Как уже отмечалось, практическая эффективность — основное испытание метиса, и все эти изделия выдержали его блестяще.

Мысль, которую я выражаю, не нуждалась бы в подчеркивании или сложной иллюстрации, если бы узкое понимание науки, современности и эволюции не определяло полностью доминирующий способ мыслить, не заставляло рассматривать все другие виды знания как отсталую косную традиционность, бабушкины сказки и предрассудки. Высокий модернизм нуждался в этом «другом» — невежественном двойнике, чтобы проявиться в качестве противодействующей силы и ратовать против отсталости[861]. Бинарная оппозиция исходит

из истории возникшего вокруг этих двух форм знания противоборства институций и их кадров. Современные исследовательские учреждения, сельскохозяйственные экспериментальные станции, поставщики удобрений и техники, проектировщики высокомодернистских планов города, разработчики планов развития стран третьего мира и чиновники Всемирного банка проложили себе узаконенный путь преуспевания в значительной степени систематическим очернением практического знания, которое мы называли метисом.

Нет ничего более далекого от истины, чем такая характеристика. Метис, далекий от косности и монолитности, отличается пластичностью, локальностью и дивергентностью[862]. Именно эти особенности стиля метиса, его контекстуальный и фрагментарный состав делают его столь восприимчивым и столь открытым для новых идей. Метис не имеет никакой доктрины или централизованного обучения — здесь каждый практик имеет свою собственную точку зрения. В экономическом смысле одним из самых лучших испытаний для метиса зачастую является рынок, местная монополия, вероятнее всего, будет разрушена новаторством снизу или извне. Если новая технология работает, она наверняка найдет клиентуру.

Защищая приверженность традиционализму от рационализма, Майкл Оукшот подчеркивает прагматизм реальных существующих традиций: «Большая ошибка рационалистического подхода, хотя это и не свойственно самому методу, состоит в предположении, что „традиционное“ или, лучше сказать, „практическое“ знание неподатливо, фиксированно и неизменно, фактически же оно исключительно подвижно»[863]. Традиция, отчасти в силу местных вариаций, является гибкой и динамичной. «Никакой традиционный способ поведения, никакой традиционный навык никогда не остаются неизменными, — подчеркивает Оукшот всюду. — Его история — непрерывное изменение»[864]. Изменения, возможно, скорее будут небольшими и постепенными, чем внезапными и прерывистыми.

Стоит подчеркнуть степень, до которой устное народное творчество в противоположность письменной культуре избегает ортодоксальности. Поскольку устная культура не имеет никакого текстового ориентира для сравнения отступлений, ее религиозные мифы, обряды и фольклор склонны к изменениям в зависимости от рассказчика, аудитории и местных потребностей. Не имея никакого критерия, подобного Священному Писанию, для измерения степени отклонения от своих древних обычаев, такая культура может сильно изменяться с течением времени и одновременно сохранять верность традициям[865].

Возможно, лучшим примером социального накопления метиса является его язык. Конечно, бытуют сугубо практические правила для обиходных выражений: клише, формулы вежливости, привычные образцы клятв и ругательств и общепринятая речь. Но, несмотря на центральный комитет грамматиков с драконовскими цензурными полномочиями, в языке всегда появляются свежеизобретенные выражения и новые словесные комбинации, а также иронически переосмысливаются старые формулы. Под большим давлением и при резких общественных переменах язык может меняться довольно разительно, в результате чего появляются новые гибриды, но для людей, которые говорят на нем, он все же остается узнаваемо родным. Влияние по направлениям разговорного языка никогда не распределяется одинаково, но инновация прибывает издалека и отовсюду, и, если многие

найдут новшество полезным и уместным, они примут его как часть *своего* языка. В языке, как и в метисе, редко помнится имя изобретателя, и это также помогает сделать результат объединенным общим продуктом.

Социальный контекст метиса и его разрушение

Выполняя полевые исследования в маленькой деревне в Малайзии, я постоянно поражался широте навыков моих соседей и их казуальному знанию местной экологии. Показателен такой случай. На огороженном участке вокруг дома, где я жил, росло примечательное в этой местности манговое дерево. Родственники и знакомые обычно приходили в гости, когда фрукты созревали, надеясь получить несколько плодов и, что более важно, возможность сохранить и посадить косточки манго рядом с собственным домом. Однако незадолго до моего прибытия на дерево напали большие рыжие муравьи, которые портили большинство плодов прежде, чем они успевали созреть. Казалось, что ничем невозможно было помочь, кроме как поместить каждый плод в мешок. Несколько раз я видел пожилого главу дома Мат Иса, приносящего к основанию мангового дерева высушенные ветви нипаховой пальмы и проверяющего их. Когда я наконец решил выяснить, чем же он занимается, он объяснил мне, но с видимой неохотой, поскольку, на его взгляд, тут не о чем было говорить. Он знал, что маленькие черные муравьи, которые жили повсеместно в задней части огороженного участка, были врагами больших рыжих муравьев. Он знал также, что тонкие, подобные остриям копыа листья нипаховой пальмы, упав с дерева и засохнув, сворачивались в длинные жесткие трубки. (Кстати, местные жители использовали эти листья в качестве курительных трубок.) Он знал также, что такие листовые трубки обычно были идеальным местом для маток колоний черных муравьев при откладывании яиц. Уже несколько недель он клал высушенные ветви нипаховой пальмы с листьями в нужных местах, пока у него не набралось множества яиц с готовыми вылупиться черными муравьями. Тогда он положил ветви с листьями, наполненными яйцами, около манго и стал очевидцем итогового Армагеддона сроком в неделю. Несколько соседей, многие из них скептически настроенные, и их дети пристально следили за ходом муравьиного сражения. Хотя черные муравьи были в половину меньше и даже более того, они в конце концов возобладали над рыжими муравьями и завладели землей в основании мангового дерева. Поскольку черные муравьи не интересовались листьями или плодами манго, пока плоды еще висели на дереве, урожай был спасен.

Этот успешный полевой эксперимент по биологической защите от вредителей предполагает наличие определенных познаний о среде обитания и пище черных муравьев, их способах кладки яиц, о соображениях относительно того, какой материал можно использовать в качестве переносных камер для яиц, и знание об отношениях между красными и черными муравьями. Мат Иса объяснил, что подобные знания, относящиеся к практической энтомологии, довольно широко распространены, по крайней мере, среди его пожилых соседей, и люди помнили, что нечто вроде такой стратегии помогало один или два раза в прошлом. И мне совершенно ясно, что никакой официальный консультант по вопросам сельского хозяйства и не подумал бы о муравьях, не говоря уже вообще о биологическом

методе борьбы с вредителями — большая часть сельскохозяйственных консультантов выросла в городе и в основном интересовалась рисом, удобрениями и ссудами. И при этом большинство их и не подумало бы посоветоваться с людьми; ведь, в конце концов, именно они были экспертами, обученными для обучения крестьян. А подобное знание приобретается и хранится пожизненно, это – наблюдения постоянного сообщества, итог опыта многих поколений, люди обмениваются такими знаниями и сохраняют их.

Единственная цель этой иллюстрации – поставить вопрос о социальных условиях, необходимых для воспроизводства сопоставимого практического знания. Эти социальные условия, как минимум, требуют заинтересованного сообщества, накопленных знаний и постоянно продолжающегося экспериментирования. Иногда существуют формальные организации, которые кажутся почти идеально структурированными для собрания и обмена практической информацией, такие, как *veillles* во Франции девятнадцатого века. *Veillee*, как видно из названия, были традиционными посиделками, проводимыми фермерскими семьями в течение зимних вечеров, часто в сараях, чтобы использовать тепло помещения, согретого домашним скотом и, таким образом, сэкономить на топливе. Не имея определённой повестки дня за исключением социальных и экономических вопросов общины, эти посиделки представляли местные собрания, где шёл обмен мнениями, историями, сельскохозяйственными новостями, советами, сплетнями и религиозными рассказами или народными сказками, в то время как люди лущили орехи или занимались рукоделием. Учитывая тот факт, в что каждый член сообщества имел большой жизненный опыт целенаправленного наблюдения и практики, приобретаемый каждым семейством в процессе своих хозяйственных решений, эти посиделки представляли запланированный ежедневный семинар по практическому знанию.

Это напрямую подводит нас к двум из больших парадоксов метиса. Первый состоит в том, что метис не распределяется демократически. Он не только зависит от способности к восприятию, сноровки, которая не может быть присуща всем, но также и от доступа к опыту и практике, необходимым для его приобретения, которые могут оказаться ограниченными. Ремесленные гильдии, талантливые мастерские, определённые общественные слои, религиозные братства, целые сообщества и вообще люди часто относятся к некоторым видам знания, как будто они имеют монополию на них, которую отказываются разделять с другими. Лучше сказать, что доступность такого знания для других сильно зависит от социальной структуры общества и преимуществ, которую даёт монополия на некоторые формы знания[866]. В этом отношении метис не унитарен, и мы, возможно, должны говорить о разных видах метиса, признавая его неоднородность. Второй парадокс состоит в том, что, каким бы пластичным и восприимчивым ни был метис, развитие и передача некоторых его форм кажутся зависимыми от ключевых моментов жизни доиндустриального общества. Сообщества, маргинальные для рынков и государства, наверняка сохраняют высокий уровень метиса — у них нет другого выбора, они должны в значительной мере полагаться на свои собственные знания и подручные материалы. Если бы, делая покупки в местном магазине или при посещении ассоциации фермеров, Мат Иса нашел дешевый пестицид, который покончил бы с красными муравьями, он, без сомнения, использовал бы его.

Некоторые формы метиса исчезают на глазах[867]. Так как средства передвижения людей, товарные рынки, формальное образование, профессиональная специализация и средства массовой информации достигли даже наиболее удаленных сообществ, подорваны социальные основы его развития. Можно только приветствовать, причем с большими основаниями, исчезновение великого множества некоторых местных знаний. Как только спички стали широкодоступными, с чего бы вдруг кому-то захотелось узнать, кроме как из праздного любопытства, как высечь огонь с помощью кремня и трута? Умение отстирывать одежду с помощью стиральной доски или на камне на реке требует несомненного искусства, но его с удовольствием потеряли те, кто может позволить себе купить стиральную машину. Подобным же образом и без большой ностальгии были забыты навыки штопки, когда на рынке появились дешевые носки машинной вязки. Старые бугисские моряки говорят: «Теперь, имея таблицы и компасы, *любой* может управлять судном»[868]. Действительно, почему нет? Производство стандартизированного знания сделало некоторые навыки более доступными, поскольку они уже не являются заповедной зоной гильдии, которая может отказать в допуске к ним или настаивать на долгом ученичестве[869]. Многое из мира метиса, что мы потеряли, есть почти неизбежный результат индустриализации и разделения труда. И многие из этих потерь были осознаны как освобождение от тяжелого труда и нудной работы.

Но было бы серьезной ошибкой полагать, что разрушение метиса — непреднамеренный и неизбежный побочный продукт экономического прогресса. Разрушение метиса и замена его стандартизированными формулами, узаконенными сверху, входит в проект действия и государства, и крупномасштабного бюрократического капитализма. Говоря о «проекте», заметим, что это скорее объект постоянных инициатив, которые никогда не были полностью успешны, потому что ни одна форма производства или социальной жизни не может быть приведена в действие одними формулами, т. е. без метиса. Однако движущая цель проекта отражает логику контроля и присвоения. Местное знание ввиду его рассредоточенности и относительной независимости позволяет все, кроме регламентации. Сокращение или, что более соответствует утопической картине, устранение метиса и местный контроль, который следует за этим, и есть предпосылки проектов государства, административного порядка и финансового управления, а также трудовой дисциплины и прибыли, если речь идет о крупной капиталистической фирме. Подчинение метиса довольно легко видеть в развитии массового производства на фабрике. Я полагаю, что сопоставимый процесс деквалификации рабочей силы в сельскохозяйственном производстве труднее преодолеть и, учитывая препятствия на пути полной стандартизации, в конечном счете, менее успешен.

Как убедительно показал в одной из ранних работ Стивен Марглин, капиталистическая прибыль требует не просто эффективности, а *комбинации* эффективности и контроля[870]. Решающие инновации разделения рабочей силы на уровне комплектующих изделий и концентрация производства на фабрике — ключевые шаги в постановке трудового процесса под унитарный контроль. Эффективность и контроль, в принципе, могли бы совпадать, как, например, в случае механизированного прядения и плетения из хлопка. Однако иногда они абсолютно не связаны и даже несовместимы. «Эффективность в лучшем случае создает *потенциальную* прибыль, — замечает Марглин. — Без контроля капиталист не может превратить эту прибыль в реальную. Таким образом, организационные формы, которые усиливают капиталистический контроль, могут увеличивать прибыль и тем самым

привлекать капиталистов, даже если они неблагоприятны для производительности и эффективности. Наоборот, более действенные пути организации производства, уменьшающие капиталистический контроль, могут в результате сократить прибыль и поэтому отвергаться капиталистами»[871]. Типичная структура кустарного производства часто служила для эффективности. Но она почти *всегда* была помехой для капиталистической прибыли. На выходе текстильного производства, которое преобладало до фабричной организации, те, кто обрабатывал хлопок, имели контроль над ним, могли устанавливать темп работы и увеличивать свой оборот путем различных стратегических приемов, которые трудно поддавались контролю. Решающее преимущество фабрики, с точки зрения хозяина, состояло в том, что он непосредственно мог устанавливать часы и интенсивность работы, а также контролировать сырье[872]. Уровень, до которого все еще могло организовываться эффективное производство на ремесленной основе (по типу раннего производства шерсти и шелка, согласно Марглину), не устраивал капиталиста, ставящего целью получение прибыли от рассеянного ремесленного населения.

Фредерик Тейлор, гений современных методов массового производства, с большой отчетливостью представлял конечный результат разрушения метиса и превращения сопротивляющегося якобы независимого ремесленного населения в более подходящие единицы или «рабочие руки». «Под научным управлением... руководители понимают.. бремя общего сбора всего традиционного знания, которым обладали рабочие в прошлом, а затем классификации и сведения этого знания к правилам, законам, формулам... Таким образом, все технологические наработки, которые были у рабочих при старой системе, при новой системе должны быть рассмотрены управляющей структурой в соответствии с научными законами»[873].

На тейлористской фабрике только управляющий имел доступ к знанию и управлению всем процессом, а роль рабочего была сведена к выполнению небольших, часто минутных операций общего производства. Производительность зачастую была поразительно высокой, как на первых заводах Форда; однако всегда контроль и получение прибыли оставались наибольшим преимуществом[874].

Утопическая мечта тейлоризации — фабрика, в которой движения каждой пары рук сводились к автоматизму, как у запрограммированных устройств, — на деле оказалась нереализуемой. И не потому, что не делалось попыток. Дэвид Нобл описал хорошо профинансированный проект разработки станков с цифровым управлением, так как он обещал «освобождение от рабочего-человека»[875]. Потому и произошел полный провал этих попыток, что при разработке системы Тейлора не учитывался метис — практическое приспособление опытного рабочего, направленное на компенсацию небольших изменений в материале, температуре, износа или неисправности механизма, технических сбоев и т. д. Один оператор сказал: «Думают, что цифровые средства управления — это какое-то волшебство, но все, что вы можете сделать автоматически, так это только выпустить брак»[876]. Это заключение можно обобщить. В блестящем описании рутинной работы станочников, чьи профессии, казалось, были полностью деквалифицированными, Кен Кастерер показал, как рабочим все же пришлось развить индивидуальные навыки, которые совершенно необходимы для успешного производства, но никогда не могут быть выражены в руководствах для новичков. Один станочник, чья работа считалась

малоквалифицированной, провел аналогию между выполнением своей работы и вождением автомобиля: «Все автомобили в основном похожи, но каждый автомобиль своеобразен... В начале обучения вы просто изучаете правила движения. Но как только вы научились ездить, вы приобретаете чувство автомобиля, которым управляете. Вы понимаете, как он ведет себя при различных скоростях, как работают тормоза, когда мотор начинает перегреваться, как завести его, когда холодно... Теперь, если представить себе старые автомобили, похожие на эти станки, причем некоторые из них работали по три смены в течение 20 лет, это будет похоже на то, как если бы у вас был автомобиль без гудка, который начинает поворачивать направо, когда вы нажимаете на тормоз, который не заводится, если вы не зальете бензин определенным образом, — тогда, возможно, вы поймете, что значит пытаться работать на таком старом станке»[877].

Тейлоризация имеет свой аналог и в сельскохозяйственном производстве, аналог с длинной и разнообразной историей. В сельском хозяйстве, как и в промышленности, просто эффективность формы производства не гарантирует присвоения налогов или получения прибыли. Как мы уже отмечали, независимое хозяйство мелкого фермера может представлять наиболее эффективный способ выращивания многих культур. Но такие формы сельского хозяйства, хотя и допускают налогообложение и получение прибыли после полного сбора, обработки и продажи своей продукции, относительно непроницаемы и трудны для контроля. Как это уже было с независимыми ремесленниками и мелкобуржуазными владельцами магазинов, контролирование коммерчески успешных мелких ферм представляет собой кошмар для администратора. Возможностей для уклонения и сопротивления масса, а цена получения точных ежегодных данных очень уж высока, если вообще не чрезмерна[878].

Государство, заинтересованное главным образом в присвоении и контроле, всегда предпочтет оседлую форму сельского хозяйства пастбищному хозяйству или переложному земледелию. По тем же причинам государство вообще предпочитает крупную земельную собственность мелкой и, в свою очередь, плантации или коллективное сельское хозяйство им обеим. Там, где контроль и присвоение являются наиважнейшими соображениями, очевидно, что только две последние формы предлагают прямой контроль над рабочей силой и доходом, возможность выбора культур и методов их возделывания и, наконец, прямой контроль над продукцией и прибылью хозяйства. Хотя, как мы уже знаем, коллективные хозяйства и плантации редко бывают эффективными, они представляют наиболее четкие, прозрачные и потому облегчающие присвоение формы сельского хозяйства.

Крупный капиталистический сельскохозяйственный производитель стоит перед той же проблемой, что и владелец фабрики: как преобразовать ремесленную или метисную науку фермеров в стандартизированную систему знаний, которая позволит ему больше контролировать работу и ее интенсивность. Одним из решений были плантации. В колониальных странах, где здоровых мужчин насильно вербовали на работы, плантации представляли своего рода частные коллективные хозяйства, которые для управления рабочей силой полагались на государственные вне рыночные санкции. Не одна плантация, потерпев неудачу в эффективности, восполняла ее, используя свои политические связи, чтобы получить гарантированные субсидии, ценовую поддержку и монополистические привилегии.

Контроль на плантациях, не говоря уже о коллективном хозяйстве, влек за собой (за небольшими исключениями) такие высокие издержки жесткого надзора и расходов, что оказался неэффективным. Теперь, когда ведение сельского хозяйства на плантациях уже дискредитировано, поучительно рассмотреть некоторые более современные альтернативы, отражающие такой же контроль и стандартизацию, поскольку они высвечивают функциональное подобие, которое может принимать различные формы[879]. Повсеместное внедрение контрактного сельского хозяйства — только один из показательных примеров[880]. Когда фермеры, занимающиеся разведением цыплят, поняли, что выращивать их централизованно и в большом количестве не только неэффективно, но и связано с серьезными заболеваниями и проблемой сохранения окружающей среды, они изобрели своего рода высокотехнологичную систему производства[881]. Большая фирма заключает с фермером контракт на поставку цыплят, а затем (по прошествии приблизительно шести недель) выкупает у него птицу, соответствующую стандартам. Фермер, в свою очередь, обязан построить и оплатить ферму, которая соответствует общей спецификации, а также согласно точному расписанию, предписанному корпорацией, кормить, поить и вводить в рацион цыплят лекарственные средства. Договор часто пересматривается. Для корпорации преимущества огромны: она не рискует никаким капиталом, кроме вложенного в стоимость цыплят; ей не требуется никакой собственной земли; ее расходы по управлению малы; она получает одинаково стандартную продукцию и, что немаловажно, без ущерба для себя может отказаться возобновить контракт или изменить цену после каждого раунда соглашения.

Логика, хотя не сама форма, подобна той, что существовала на плантации. Согласно потребности внутреннего или международного рынка корпорация нуждается в абсолютной гарантируемой однородности и надежности поставки продукции[882]. Необходимость управления производством стандартных цыплят во многих разных местах требует, чтобы стандарты были видны на глаз и их можно было легко объединить. Как мы видели в случае научного лесоводства, это не просто вопрос разработки мер оценки, точно передающих факты, которые отражают основной производственный цикл и могут быть переданы руководителям. Это прежде всего вопрос изменения среды в таком направлении, чтобы она была стандартизирована с самого начала. Только стандартизированное разведение птицы, здание фермы, удовлетворяющее требованиям спецификации, фиксированный режим и оговоренное расписание кормления, предусмотренные контрактом, позволяют одному специалисту проинспектировать сотню ферм по выпуску цыплят, скажем, для компании «Кентуки Фрайд Чикен» и убедиться, что отклонения от стандарта минимальны. Можно даже представить себе удобный бланк для проверки. Цель контрактного хозяйства состоит совсем не в том, чтобы понять особенности фермы и приспособиться к ним; скорее оно стремится преобразовать ферму и ее работников с самого начала так, чтобы они соответствовали сетке контракта.

Фермеры, которые подписывают контракт, пока он в силе, могут получить прибыль, хотя и при значительном риске. Контракты краткосрочны, календарные планы работ детализированы, процесс поставок оговорен. Фермеры, работающие по контракту, теоретически являются предпринимателями мелкого бизнеса, но эта теория не отражает того факта, что они рискуют своей землей и постройками, что они не больше располагают своим временем, чем рабочие сборочного конвейера.

Доводы против имперского знания

“Говорят..., что он был так предан Чистой Науке..., что предпочел бы, чтобы люди умирали от правильной терапии, чем вылечивались благодаря неправильной.

Синклер Льюис. Эрроусмит

Позволю себе заявить, что первоначальные земельные реформы в большевистской России и в послереволюционном Китае были упрощениями при содействии государства, которые предоставляли действительные права миллионам людей, прежде жившим при фактическом крепостничестве. Эпистемическое знание, никогда не отделяемое в жизни от метиса, обеспечило нас наукой о мире, от которой, несмотря на все ее темные аспекты, вряд ли кто-то хотел бы отказаться.

Действительно опасной для нас и для нашей среды оказалась, я думаю, комбинация претензии эпистемического знания на универсальность и авторитарности проектирования социальной жизни. Такая комбинация имела место в планировании городов, в ленинском понимании революции (но не в его практической деятельности), в эпоху коллективизации в Советском Союзе и в виллажизации в Танзании. Она же скрыта в логике научного сельского хозяйства и совершенно очевидна в колониальной практике. Когда подобные схемы почти достигают выполнения своих на самом деле невыполнимых утопий об игнорировании или подавлении метиса и местного своеобразия, они разве что гарантируют собственную практическую неудачу.

Заявления об универсальности кажутся свойственными пути, по которому идет рационалистическое знание. Хотя я не философ, занимающийся вопросами знания, мне кажется, что в эпистемическом здании отсутствует дверь, через которую метис или практическое знание могли бы войти на собственных условиях. Это и есть тот самый империализм, который имеется в виду. Как писал Паскаль, «большая ошибка рационализма состоит не в его признании технического знания, а в его отказе признавать любое другое»[883]. В противоположность этому, метис не кладет все яйца в одну корзину; он не претендует на универсальность и в этом смысле обладает плюрализмом. Конечно, определенные структурные условия могут противоречить имперскому духу эпистемических заявлений. Демократические и коммерческие требования иногда обязывают сельскохозяйственных ученых отталкиваться в своей работе от практических задач, поставленных фермерами. В период революции Мейдзи технические команды из трех

человек начали исследовать фермерские новации с их последующим лабораторным анализом для усовершенствования. Строительные рабочие, отказавшиеся покинуть город Бразилиа, как было запланировано, или разочарованные жители деревень уджамаа, сбежавшие из своих поселений, в некоторой степени расстроили предназначавшиеся для них планы. Однако такое сопротивление лежит вне парадигмы самого эпистемического знания. Когда кто-нибудь вроде Альберта Говарда, дотошного ученого, признает «искусство» ведения сельского хозяйства не поддающимся количественной оценке способом приобретения знаний, он выходит за пределы царства кодифицируемого научного знания.

Авторитарные высокомодернистские государства, находящиеся во власти самоочевидной (но, как правило, незрелой) социальной теории, принесли непоправимый вред человеческому сообществу и жизни человека. Ущерб вырос, когда лидеры пришли к выводу, как выразился Мао, что люди — это чистые листы, на которых новый режим может писать. Социалист-утопист Роберт Оуэн полагал то же самое относительно фабричного городка Нью-Ланарк, хотя скорее на гражданском, чем на национальном уровне: «Каждое поколение, во всяком случае каждая администрация, должно видеть раскрытую для них незаполненную страницу неограниченных возможностей, и если случайно этот чистый лист будет исковеркан неразумными набросками скованных своими традициями предков, то первая задача рационалиста должна состоять в том, чтобы отскрести его до блеска»[884].

На мой взгляд, консерваторы вроде Оукшота упустили из виду, что высокий модернизм естественно притягателен для интеллигенции и людей, имеющих достаточно причин ненавидеть прошлое[885]. Колониальные модернизаторы последних лет иногда немилосердно употребляли свою власть для преобразования населения, которое они считали отсталым и весьма нуждающимся в руководстве. У революционеров было достаточно причин презирать феодальное прошлое, погрязшее в бедности и неравенстве, с которыми они надеялись покончить навсегда, но у них были и основания подозревать, что безотлагательная демократия просто возвратит старый порядок. Лидеров государств, только что получивших независимость в непромышленном мире (иногда это были сами революционные лидеры), нельзя обвинять в ненависти к своему колониальному прошлому и экономическому застою, а также в том, что они не прилагали никаких усилий или не имели демократического самоуважения, чтобы сотворить народ, которым они могли бы гордиться. Однако понимание хода исторического развития и логики их приверженности целям высокого модернизма не позволяет нам умолчать о том огромном ущербе, понесенном в результате соединения их убеждений с авторитарной государственной властью.

10. Заключение

“ Они перестраивали общество на основе абстрактного плана во многом так же, как астрономы переделывали вселенную для удобства вычислений.

Пьер-Жозеф Прудон. Что такое собственность

“ Все же человек, который использует абстрактный план и доверяет ему, может проиграть тому, у кого вообще нет плана; последнему не нужно тщательно обследовать каждую деталь на своем пути и постоянно искать указаний, в каком направлении ему следует двигаться, напрягая все свои чувства и интеллект.

Е.Ф.Шумахер. Малое — прекрасно

Великие высокомодернистские исторические эпизоды, исследованием которых мы занимались, следует рассматривать как трагедии, по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, интеллектуалы-мечтатели, а также планировщики, исполнявшие их волю, были повинны в гордости — в упущении того факта, что они, смертные, действуют, как если бы они были божествами. Во-вторых, в их действиях, далеких от циничного захвата власти и богатства, явно просматривалось подлинное желание улучшить условия человеческого существования — в том и состоял их фатальный изъян. То, что эти трагедии оказались так глубоко связанными с оптимистическими картинками прогресса и рационального порядка, — уже сама по себе причина для поиска диагноза. Другая причина лежит в подлинно вселенском характере веры в высокий модернизм. Мы сталкиваемся с этим в различных обличьях: в колониальных путях развития; спланированных городских центрах как на Востоке, так и на Западе; коллективных хозяйствах; масштабных планах Всемирного банка; переселении кочевников и управлении рабочими за дверями фабрик.

Если в государствах бывшего социалистического блока и в странах третьего мира подобные схемы, как правило, приносили разрушительные человеческие и природные потери, то это объясняется только тем, что авторитарная государственная власть без препятствий со стороны представительных органов могла подавлять сопротивление и подталкивать проект вперед. Однако идеи, наполнявшие схемы, от которых зависела их законность и привлекательность, были полностью западными. Порядок и гармония, которые когда-то казались находившимися в ведении единого Бога, были заменены верой в идею прогресса, за которую ручались ученые, инженеры и планировщики. Их компетентность, стоит напомнить, меньше всего оспаривалась в те моменты, когда другие формы координации

действий потерпели неудачу или казались крайне неадекватными для решения глобальных задач того времени: в период войны, революции, экономического кризиса или недавней борьбы за независимость. Планы, которые они вынашивали, были подобны четким схемам стандартизации, изобретенным абсолютистскими королями XVII и XVIII в. Но полностью обновлен был не только масштаб планов всеобщего социального преобразования, но и средства государственного управления: переписи, кадастровые карты, удостоверения личности, статистические бюро, образование, средства массовой информации, органы внутренней безопасности — все это могло позволить им идти по намеченному пути гораздо дальше, чем мог мечтать каждый монарх XVII в. В результате множество политических трагедий XX в. прошло под лозунгом прогресса, освобождения и реформирования.

«Все дело в невежестве, дурачок!»

“ У них только одна ошибка: позже они уверовали, что они есть последнее число — какого нет в природе, нет.

Евгений Замятин. Мы

Сентенция, служащая заголовком этой части, не просто подходит для наклеек на бампере и подражает хорошо известному лозунгу кампании по выборам Билла Клинтона в президенты в 1992 г.: «Все дело в экономике, глупыш!» Она имеет целью привлечь внимание к тому, как привычно планировщики игнорируют возможность радикальной перемены обстоятельств в будущем. Очень редко встречается совет о будущем, который *начинается* с предположения о несовершенстве наших знаний. Одно небольшое отступление — о циркуляре по поводу продуктов питания, опубликованном поликлиникой Йельского университета, где я преподаю, — подчеркнет редкость подобных событий. Обычно такие проспекты дают информацию об основных питательных веществах, витаминах и микроэлементах, существенных для сбалансированного питания, и предлагают основанную на них диету. Однако этот циркуляр подчеркивал, что в последние два десятилетия было обнаружено много новых необходимых компонентов правильного питания и что предположительно еще больше будет найдено исследователями в последующие годы. Поэтому, *понимая несовершенство своих знаний*, авторы рекомендовали разнообразить питание, насколько возможно, предусмотрительно полагая, что оно содержит многие из этих доныне не выявленных существенных компонентов.

Социальные и исторические исследования неизбежно преуменьшают роль и значение вероятности в совершении событий. Историческое событие или состояние государства часто кажется направленным и вынужденным, в то время как фактически оно легко могло бы пойти в своем развитии другим путем. Даже социальная наука, учитывающая теорию вероятности, какой осторожной она ни была бы в установлении конечных пределов, наверняка будет склонна обращаться с этими возможными событиями как с твердыми фактами. Когда приходится думать о будущем, обычно не ставится под сомнение возможность нештатной ситуации, равно как и способность людей справляться с непредвиденными обстоятельствами и помогать будущему обрести форму. Но в тех случаях, когда спорящие думают, что знают, каким будет будущее, и знают это на основании их понимания исторических законов прогресса или научной истины, какую бы трезвость они ни сохраняли, они не учитывают возможности неожиданной перемены обстоятельств.

Как можно было предсказать, каждая из этих схем терпела неудачу под воздействием непредвиденных обстоятельств, находящихся вне внимания планировщиков. Даже если бы исторические законы были справедливы, а спецификация переменных и вычисления производились корректно, сфера действия и всесторонность их планов были таковы, что они все равно не могли иметь определенные результаты. Несмотря на все амбиции, они могли с некоторой уверенностью предугадывать только ближайшие последствия своих действий, но не определять, а тем более просчитывать последствия второго или третьего порядка и результаты их взаимодействий. В схемах проектировщиков не предсказуемыми оставались естественные события в природе и в обществе, не укладывающиеся в их модели: засухи, войны, восстания, эпидемии, процентные ставки, мировые потребительские цены, эмбарго на нефть. Они могли и, безусловно, пытались приспособливаться к этим неучтенным обстоятельствам и импровизировать по этому поводу их чрезвычайные меры. Но размеры начального вмешательства были настолько велики, что многие из оплошностей уже не могли быть исправлены. Стивен Марглин коротко сформулировал их ошибку: если «несомненный факт относительно будущего состоит в том, что оно является неопределенным, если единственное, что можно признать безусловным, то, что мы живем в мире неожиданностей, тогда никакое планирование, никакие рецепты не помогут справиться с непредвиденными обстоятельствами, которые преподнесет будущее»[886].

Любопытно совпадение подходов в этом отношении, но не в других, у такого критика командной экономики справа, как Фридрих Хаек, и у критика коммунистического авторитаризма слева князя Петра Кропоткина, заявившего, что «невозможно издавать законы для будущего». Оба они прекрасно понимали значение разнообразия человеческих действий и непреодолимые трудности успешного координирования миллионов взаимодействий. В критическом анализе неудавшихся парадигм развития Альберт Хиршман призывал к «чуть большему «благоговению перед жизнью», чуть меньшей прямолинейности в планировании будущего, чуть большему допущению неожиданного и чуть меньшему принятию желаемого за действительное»[887].

На основе опыта можно выделить несколько сугубо практических правил, соблюдая которые, можно попытаться сделать запланированный процесс развития менее подверженным неожиданностям. И хотя моей главной целью едва ли является реформа методов развития, в такие правила наверняка вошли бы кое-какие из следующих советов.

Делайте небольшие шаги. В экспериментальном подходе к социальным изменениям всегда предполагайте, что мы не можем заранее предугадать последствия наших вмешательств. Учитывая этот постулат нашего невежества, постарайтесь везде, где это возможно, сделать маленький шаг, отойти в сторону, понаблюдать, а затем планировать следующее небольшое движение. Вот как биолог Д.Б.С. Холдейн метафорически описал преимущества малости: «Вы можете бросить мышь в глубокую угольную шахту — когда она достигнет дна, она слегка ушибется и убежит. Крыса убьется, человек переломает все кости, от лошади останется мокрое место»[888].

Предусмотрите возможность отступления. Выбирайте действия, которые можно обратить вспять, если они оказываются ошибочными[889]. Необратимые вмешательства имеют необратимые последствия[890]. Вмешательства в экосистемы требуют особого

внимания, учитывая наше дремучее невежество относительно их взаимодействий. Альдо Леопольд так передает дух необходимой осторожности: «Чтобы что-нибудь починить, надо прежде всего иметь все нужные детали»[891].

Планируйте неожиданности. Выбирайте планы, которые допускают наибольшую оперативность в случае непредвиденных обстоятельств. В сельском хозяйстве это может означать выбор и подготовку земли таким образом, чтобы на ней можно было выращивать любую из нескольких культур. В планировании жилья это означает универсальный дизайн, предусматривающий возможность изменения семейных структур или стиля жизни. На фабрике это может означать выбор местоположения, планировки и механизмов, которые по своей сущности легко допускают использование новых технологических процессов, материалов или производственных линий.

Планируйте человеческую изобретательность. При планировании всегда предполагайте, что люди, принимающие участие в проекте, будут иметь или разовьют опыт и интуицию, которая позволит им этот проект усовершенствовать.

Планирование для абстрактных граждан

Сила и точность схем высокого модернизма ограничивали не только вынесение за скобки непредвиденных обстоятельств, но и стандартизацию субъектов нового строительства. Даже при самых благородных целях планировщиков некоторая стандартизация неявно присутствовала. В своей массе планировщики были преданы идеям эгалитарного общества, удовлетворения основных потребностей его граждан (особенно рабочего класса) и создания удобств современного общества, доступных для всех.

Давайте остановимся и рассмотрим внимательно образ человека, для которого планировались все эти преимущества. Прежде всего, он предельно абстрактен. Такие разнообразные деятели, как Ле Корбюзье, Вальтер Ратенау, те, кто проводил коллективизацию в Советском Союзе, и даже Джулиус Ньерере (несмотря на всю его риторику относительно африканских традиций), занимались планированием для абстрактных субъектов, которые нуждались в таком-то количестве квадратных футов площади для жилья, акров земельных угодий, литров чистой воды и единиц транспорта, а также в определенном количестве продовольствия, чистого воздуха и мест отдыха. Стандартизированные граждане были однородны в своих потребностях и даже взаимозаменяемы. Как ни поразительно, такие субъекты, подобно «немаркированным гражданам» либеральной теории, не имели никакого пола, никаких вкусов, никакой предыстории, никаких ценностей, мнений или собственных идей, никаких традиций и отличительных индивидуальных признаков, которые учитывались бы при планировании. У них не было никакой особенности, никаких ситуативных и контекстуальных признаков, которых можно ожидать от любого населения и которые мы, кстати, всегда приписываем элитам.

Недостаток в этих схемах контекста и специфичности не является случайной оплошностью: это первая и необходимая предпосылка любого крупномасштабного планирования. Разрешающая способность планирования возрастает в той степени, до которой с людьми можно обращаться как со стандартизированными единицами. Вопросы, поставленные в этих четких пределах, могут иметь ясные количественные ответы. Та же самая логика применяется и к преобразованию природного мира. Вопросы об объеме коммерческой древесины или урожая пшеницы в бушелях допускают более точные вычисления, чем, скажем, вопросы о качестве почвы, вкусе зерна или благосостоянии общества[892]. Экономика достигает своей огромной разрешающей способности, переводя все, что иначе было бы качественными проблемами, в количественные задачи с единой системой измерений и в конечном итоге сводя их к вопросу: прибыль или убыток?[893] Если понимать, сколь решительные упрощения необходимы для достижения подобной точности, а также что сохраняются не подвластные ей проблемы, то единую систему мер следует признать

неоценимым инструментом. Проблемы же возникают тогда, когда она становится единственной.

Самое поразительное, что высокомодернистские системы, несмотря на подлинно эгалитарные и часто социалистические побуждения, так мало доверяют навыкам, уму и опыту простых людей. Это достаточно очевидно на тейлористской фабрике, где логика организации работы направлена на сведение участия рабочих рук к серии повторяющихся, отлаженных движений, как можно более машиноподобных. Но это также очевидно и в коллективных хозяйствах, деревнях уджамаа и запланированных городах, куда людей переселяли по заранее составленному плану. Стремления Ньерере к кооперативному государственному хозяйствованию потерпели крах вовсе не потому, что планом не была предусмотрена совместная работа. Чем более амбициозным и мелочным в деталях является план, тем меньше в нем остается места — теоретически — для местной инициативы и опыта.

Разложение действительности на составляющие

“ Количественные технологии, как правило, лучше всего исследовали процессы социальной и экономической жизни, если мир, который они стремились описать, мог быть переделан по их образцу.

Теодор М. Портер. Доверие числам

“ Если факты — т. е. поведение живых людей — не соответствуют теоретическим ожиданиям, экспериментатор раздражается и пытается приспособить факты к теории, которая на деле означает своего рода вивисекцию общества, пока они не станут тем, что от них теоретически ожидалось с самого начала.

Исайя Берлин. О политическом суждении

Ясность высокомодернистской оптики обязана своей разрешающей силе. Ее упрощающая фикция состоит в том, что для любой исследуемой деятельности или процесса рассматривается только один определенный план развития. В научном лесу есть только выращиваемая коммерческая древесина; в запланированном городе существенно только перемещение товаров и людей; в жилищном хозяйстве важно лишь снабжение кровом, теплом, канализацией и питьевой водой, в запланированной больнице — только быстрое обеспечение профессиональными медицинскими услугами. И все же и мы, и планировщики знаем, что каждый из этих пунктов является переплетением множества взаимосвязанных действий, не подчиняющихся подобным простым описаниям. Даже дорога от А до В, которая, казалось бы, обладает только одной функцией, может использоваться и в качестве места для отдыха, общения, приключений и просто для того, чтобы наслаждаться видами природы *между А и В*[894].

В любом случае полезно представить себе две различные оперативные карты. Для запланированного городского квартала первая карта показывает улицы и здания,

прослеживая маршруты, которые разработчики предусмотрели для связи между рабочими местами и жильем, поставкой товаров, подъездов к магазинам и т. д. Вторая карта состоит из маршрутов всех *незапланированных* движений — как при замедленной съемке: вот люди катят детские коляски, гуляют и разглядывают витрины магазинов, прогуливаются друг с другом, играют в «классики» на тротуаре, выгуливают собак, глазают по сторонам, срезают углы по пути с работы домой и т. д. Эта вторая карта, гораздо более сложная, чем первая, отражает разнообразные детали городской жизни. В старых районах более вероятно, что вторая карта почти вытеснит первую, примерно так же, как это произошло по истечении 50 лет с запланированными предместьями Левиттауна, ставшими совсем непохожими на то, что первоначально предполагалось проектировщиками.

Если наше исследование и научило нас чему-то, так это тому, что первая карта, взятая отдельно, не отражает действительность и на деле нежизнеспособна. Монокультурный лес одного возраста, очищенный от всякой «дряни», в конечном счете, представляет собой экологическое бедствие. Никакая тейлористская фабрика не может наладить производство без непланируемых импровизаций опытных рабочих. Запланированная Бразилиа разнообразно проигрывает незапланированной. Без хоть какого-то разнообразия, как отметила Джекобс, голый жилищный проект (подобно кварталам Прют-Айгоу в Сент-Луисе или Кабрини-Грин в Чикаго) не подойдет жителям. Даже для ограниченных целей близорукого плана — планов производства коммерческой древесины или фабричной продукции — одномерный план просто не сработает. Как с индустриальным сельским хозяйством и его зависимостью от культурных сортов, первая карта может существовать только благодаря деятельности, протекающей вне ее пределов, которую она игнорирует на свой страх и риск.

Наше исследование также научило нас, что такие планы четкости и контроля, особенно когда за ними стоят авторитарные государства, *действительно* отчасти преуспели в формировании природы и социальной среды по своим предначертаниям. Как могут впечатлять столь неадекватные планы, что за люди их вынашивают? По этому поводу я могу только сказать, что точно так же, как монокультурный лес одного возраста представляет собой бедную и нежизнеспособную экосистему, так и высокомодернистский городской комплекс представляет бедную и нежизнеспособную социальную систему.

Люди сопротивляются серьезным формам социального ущемления, и это предотвращает возможную реализацию однообразных систем централизованной рациональности. Если их претворить в жизнь в наиболее чистых формах, это составит очень мрачную перспективу для человечества. Один из планов Ле Корбюзье, например, предусматривал сегрегацию фабричных рабочих и их семей в бараках вдоль главных транспортных артерий.

Теоретически это было эффективным решением транспортных и производственных проблем. Если бы этот план осуществился, результатом стало бы удручающее окружение строго регламентированных мест работы и жительства без какого-либо оживления. Этот план имел всю привлекательность тейлористской схемы, где, используя сравнимую логику, была достигнута эффективная организация работы, при которой все движения рабочих были сведены к нескольким повторяющимся жестам. Шаблонные конструктивные принципы, лежащие в проектах советского колхоза, деревень уджамаа или поселений в

Эфиопии, страдают той же узостью видения. Их основной целью было прежде всего облегчение управления производством из центра и контроля общественной жизни.

Почти все строго функциональные узкоспециализированные учреждения имеют свойства бассейнов для сенсорной депривации, используемых в экспериментальных целях. В пределе они приближаются к крупным социальным надзорным учреждениям XVIII и XIX вв.: приютам, работным домам, тюрьмам и исправительным заведениям. Мы уже достаточно хорошо изучили такие учреждения, чтобы понимать, что через некоторое время они приведут к характерному неврозу своих обитателей, характеризующемуся апатией, замкнутостью, недостатком инициативы и свободы в поведении, необщительностью и несговорчивостью. Такой невроз является приспособлением к депривированной, вялой, однообразной и управляемой среде, он приводит к тупости и безразличию[895].

Суть состоит в том, что высокомодернистские проекты организации производства и социальной жизни направлены на ослабление навыков, сноровки, инициативы и боевого духа тех, кому предназначены служить. Они вызывают умеренную форму такого институционального невроза. Или, пользуясь утилитарным стилем, который признают многие из представителей этого направления, эти проекты уменьшают «человеческий капитал» рабочей силы. Сложная, разнообразная, одушевленная среда, по Джекобс, формирует бодрого и адаптивного человека, который умеет бороться с трудностями и проявлять инициативу. Узкая запланированная среда, напротив, способствует формированию менее умелого, менее творческого и менее находчивого населения. Такое население, однажды сотворенное, действительно, как это ни горько, представляло бы собой человеческий материал, нуждающийся в пристальном надзоре сверху. Другими словами, логика социальной инженерии такого масштаба должна была произвести тот вид субъектов, который был предусмотрен ее планами с самого начала.

Подобная авторитарная социальная инженерия, не сумевшая создать мир по своему собственному образу, не должна затмевать перед нами тот факт, что она, как минимум, причинила вред многим из более ранних структур взаимодействия и практики, существенных для метиса. Советский колхоз не оправдал возлагавшихся на него ожиданий, обращаясь со своими работниками как с фабричными рабочими, он уничтожал многие из профессиональных навыков, которыми обладало крестьянство накануне коллективизации. И даже если было в прежних отношениях то, что следовало устранить (в частности, ущемления, связанные с классом, полом, возрастом и происхождением), вместе с этим упразднялась всякая самостоятельность. Здесь, я думаю, есть что-то похожее на классическое анархистское заявление: государство с его позитивными законами и центральными учреждениями подрывает способность граждан к автономному самоуправлению, которое, кстати, тоже может обратиться к планировочным сеткам высокого модернизма. Их собственная институциональная законность может оказаться хрупкой и недолговечной, но они могут существенно обеднить местные источники экономического, социального и культурного самовыражения.

Неудачи схематизации и роль метиса

“Говорят, что всем руководит партия. Никто не отвечает за промахи и накладки, а они всегда есть.

Вьетнамский крестьянин из деревни Ксуан Хэй

Вскоре после начала решительных политических перемен в Советском Союзе, в 1989 г., был созван съезд сельскохозяйственных специалистов для обсуждения реформирования сельского хозяйства. Большинство участников выступило за прекращение коллективного хозяйствования и приватизацию земли. Они надеялись на воссоздание в современном виде частного сектора, который был на подъеме в 1920-х годах и начисто разрушен Сталиным в 1930 г. Кроме того, делегаты были почти единодушны в своем осуждении полного развала, который произошел за эти три поколения с навыками, инициативой и опытом колхозников. Они сравнивали ситуацию в России с положением в Китае, где, как они считали, двадцатипятилетний период коллективизации не затронул предприимчивость крестьянства. Вдруг одна женщина из Новосибирска проворчала: «А как, вы думаете, крестьяне смогли вынести шестьдесят лет этого кошмара? Без ума и инициативы они не смогли бы пережить это! Им нужны кредиты и поставки, но с инициативой у них все в порядке»[896].

Несмотря на многообразную несостоятельность коллективизации, колхозники, кажется, нашли способы и средства, по крайней мере, пройти сквозь все это. В этой связи мы не должны забывать, что первой реакцией на коллективизацию в 1930 г. было решительное сопротивление и даже волнение среди крестьян. После подавления этого сопротивления у оставшихся в живых выбор был небольшой, но они только сделали вид, что подчинились. Крестьяне вряд ли могли сделать успешной командную систему сельского хозяйства, но они сумели сделать лишь самое необходимое: выполняя нормы, обеспечить собственное экономическое выживание.

Свидетельством различных возможных импровизаций, которые допускались по необходимости, может служить показательное сравнение двух восточногерманских фабрик перед самым разрушением Берлинской стены в 1989 г.[897] На руководство обеих фабрик сильно давили, чтобы они выполняли план, несмотря на старые механизмы, плохое качество сырья и недостаток запасных частей — от этого зависели премии сотрудников. При таких драконовских условиях фабрики вынуждены были держать в штате двух совершенно необходимых служащих, хотя их должности занимали довольно скромное место в официальной иерархии. Один из них был мастером на все руки, который мог поддерживать

в рабочем состоянии механизмы, исправлять или маскировать производственный брак и экономить запасы сырья. Второй был ловким махинатором, находившим и покупавшим (или выменивавшим) запасные части, машины и сырье, которые невозможно было своевременно получить по официальным каналам. Для облегчения работы снабженца фабрика обычно использовала свои фонды, стараясь запастись такими дефицитными непортящимися товарами, как стиральный порошок, косметика, качественная бумага, пряжа, хорошее вино и шампанское, лекарства и модная одежда. Когда перед предприятием вставала угроза невыполнения плана из-за отсутствия нужных приборов или инструментов, эти знающие умельцы пересекали страну на своих маленьких «Трабантах», забитых всем необходимым для обмена. Ни одна из функций этих людей не была предусмотрена в официальном перечне работ организации, и тем не менее для выживания фабрик их умения, знания и опыт значили больше, чем чьи-нибудь другие. Ключевым элементом централизованной плановой экономики всегда был — неофициально, подпольно — все тот же метис.

Случаи, подобные описанному, были правилом, а не исключением. Они свидетельствуют, что формальный порядок, закодированный в разработках социальной инженерии, неизбежно упускает самые существенные элементы для фактического функционирования этих проектов. Если фабрика была вынуждена работать только в пределах своих прямых обязанностей и функций, указанных в упрощенном проекте, это обычно быстро приводило к ее остановке. Коллективизированная командная экономика всегда продвигалась вперед только благодаря отчаянной импровизации неофициальной экономики, полностью лежащей вне регламентации.

Если выразиться несколько иначе, все формальные системы социальной инженерии фактически являются подсистемами большой системы, от которой они предельно зависят, если не сказать, на которой паразитируют. Подсистема полагается на разнообразие процессов, часто неофициальных, уже происшедших, которые она не может самостоятельно создавать или поддерживать. Чем более схематичен, неадекватен и упрощен формальный порядок, тем он менее гибок и более уязвим для любого возмущения вне его узких параметров. Такой анализ высокого модернизма проявляет необходимость в подпольной рыночной координации, противоречащей централизованной экономике. Однако здесь важно иметь в виду следующее. Сам рынок есть институциональная, формальная подсистема и, следовательно, несмотря на простор действий, который он обеспечивает своим участникам, он подобным же образом зависит от большой системы социальных отношений, которые он не может ни вычислить, ни создать, ни поддерживать. Здесь я имею в виду не только очевидные элементы контрактов и прав собственности, а также поддерживающей их принудительной власти государства, но и всю историю существующих образцов и норм социальных отношений доверия, сосуществования и сотрудничества, без которых рыночный обмен просто невообразим. Наконец, и самое важное — сама экономика есть «подсистема ограниченной сложившейся экосистемы», чьи существующие возможности и взаимодействия она должна уважать как условие своего существования[898].

Я думаю, это вообще характерно для больших формальных систем координации: они обязательно включают в себя то, что кажется аномалией, а при ближайшем рассмотрении оказывается их неотъемлемой частью. Многие из этого могло бы называться «метисом во спасение», хотя для людей, поддавшихся обману авторитарной социальной инженерии и

вынужденных жить в этих условиях, такие импровизации отражают отчаянную борьбу за существование. Многие современные города, причем не только в странах третьего мира, выживают за счет трущоб и незаконных самовольных поселений, жители которых обеспечивают основными жизненно важными услугами остальных. Официальная командная экономика, как мы видели, зависит от мелкой торговли, бартера и сделок, обычно незаконных. Официальная экономика пенсионных систем, социального обеспечения и медицинских страховок имеет дело с подвижным, текучим населением, обладающим немногими из этих социальных защит. Подобным же образом в практике механизированных хозяйств гибридные сорта сохраняются только благодаря разнообразию и иммунитету к болезням предшествующих культурных сортов. В каждом примере неформальная практика является необходимым условием существования формального порядка.

Примеры общественных институтов, дружественных метису

Разработки проектов научного лесоводства, свободного землевладения, запланированных городов, колхозов, деревень уджамаа и промышленного сельского хозяйства при всей их изобретательности представляли собой довольно простые вмешательства в неимоверно сложные естественные и общественные системы. Абстрагировавшись от систем, взаимодействия которых не подчинялись расчетам, в основу нового порядка заложили всего несколько элементов. В лучшем случае новый порядок был хрупким и уязвимым, поддерживаемым импровизациями, вовсе не предусмотренными его создателями. В худшем случае он приносил непоправимый вред людям, ломая судьбы, повреждая экосистемы, раскалывая и разоряя общества.

Этот довольно общий приговор должен быть смягчен, особенно в случае социальных систем, по крайней мере по четырем соображениям. Во-первых, и это самое важное, социальный порядок, на смену которому они приходили, был настолько явно несправедливым и репрессивным, что любой новый порядок казался предпочтительным. Во-вторых, высокомодернистская социальная инженерия обычно представала облаченной в прогрессивные, эгалитарные и освободительные идеи: равенство перед законом, гражданство для всех, право на средства к существованию, здоровье, образование и крышу над головой. Предпосылкой, обеспечивающей большую притягательную силу высокомодернистского кредо, было обещание со стороны государства сделать выгоды технологического прогресса доступными для всех граждан.

Две оставшиеся причины для смягчения приговора таким схемам относятся не к самим их потенциально разрушительным последствиям, а к способности обычных людей изменять эти последствия или, в конце концов, обращать вспять. Там, где функционировали представительные учреждения, определенный компромисс был неизбежен. Когда их не было, весьма примечательно, что упорное ежедневное сопротивление тысяч граждан вынуждало власти отказаться от проекта или изменить его. Конечно, если времени достаточно, любой высокомодернистский план будет постепенно изменен вплоть до полной переделки народной практикой. Советские коллективные хозяйства, представляющие наиболее безжалостный пример этих проектов, в конце концов пришли в упадок как из-за бессмысленности работы и сопротивления колхозников, так и благодаря политическим переменам в Москве.

Не отрицая бесспорных выгод разделения труда и иерархической координации для некоторых задач, я хочу привести пример других социальных институтов, которые являются полифункциональными, пластичными, разносторонними и приспособляемыми, другими словами, институтов, которые в большой мере сформированы метисом. Тот факт, что люди, захваченные ограниченными системами формального порядка, кажутся постоянно работающими в своих собственных интересах, делая систему более многосторонней, — один из признаков общего процесса «социального приручения». Другой показатель — это социальная притягательность самостоятельности и разнообразия, что видно, например, в популярности кварталов смешанного назначения у Джекобс и в неизменной привлекательности занятия собственным бизнесом.

Разнообразие и определенные формы сложности кроме своей привлекательности имеют и другие преимущества. В природных системах, как мы знаем, эти преимущества многообразны. Естественный лес, поликультурные посевы и сельское хозяйство с открытым опылением *могут*, не быть столь же производительными за короткий промежуток времени, как монокультурные леса и поля с идентичными гибридами. Но совершенно очевидно, что они более устойчивы, более самостоятельны, менее подвержены заболеваниям и опасностям со стороны окружающей среды и меньше нуждаются во внешних усилиях для самосохранения. Каждый раз, когда мы заменяем «естественный капитал» (такой, как запасы рыбы в естественных водоемах или девственные леса) тем, что можно назвать «культивированным естественным капиталом» (вроде рыбных хозяйств или лесных плантаций), мы приобретаем легкость присвоения и немедленную продуктивность за счет больших расходов по эксплуатации и малой «избыточности, способности к самовосстановлению и надежности»[899]. Если трудности с окружающей средой, с которыми сталкиваются такие системы, сравнительно скромны и предсказуемы, то определенное упрощение могло бы быть и относительно устойчивым[900]. Однако при прочих равных условиях меньшее разнообразие культивированного естественного капитала делает его более уязвимым и нежизнеспособным. Проблема состоит в том, что в большинстве экономических систем внешние издержки (например, загрязнение воды или воздуха или истощение невозполнимых ресурсов, включая сокращение биологических разновидностей) накапливаются намного быстрее, чем снижается рентабельность самой практической деятельности (в узком смысле, оцениваемой по соотношению прибылей и убытков).

Мне кажется, аналогично можно рассмотреть социальные институты, для которых недолговечность ригидных и узконаправленных централизованных форм резко контрастирует с адаптивностью более гибких, многоцелевых и децентрализованных. Пока ближайшее проблемное окружение института остается повторяющимся, устойчивым и предсказуемым, набор определенных установившихся практик может оказаться исключительно эффективным. Но в большинстве экономических структур и в человеческих делах вообще так бывает редко, и рутинная практика перестанет работать, если среда вдруг заметно изменится. Долгосрочное существование некоторых социальных институтов: семьи, небольшого сообщества, мелкого хозяйства, семейной фирмы в некоторых делах — есть результат их определенной приспособляемости к резко меняющимся обстоятельствам. Они никоим образом не являются бесконечно приспособляемыми, но при этом пережили не одно предсказание своего неизбежного упадка. Небольшое семейное хозяйство в

результате мобильности своей рабочей силы (включая использование детского труда), способности к быстрой смене культур или видов домашнего скота и склонности к использованию разнообразных возможностей сумело сохраниться среди конкурирующих экономических структур, а множество огромных высокоразвитых, механизированных и специализированных акционерных и государственных хозяйств потерпело неудачу[901]. В секторе экономики, где важнее местное знание, быстрая реакция на погоду и состояние сельскохозяйственных культур, а также меньше накладные расходы (малость!), чем в крупной промышленности, семейная ферма имеет значительные преимущества.

Даже в огромных организациях многообразие приносит дивиденды за счет стабильности и способности к быстрому восстановлению. Город, имеющий однонаправленное производство, как, например, жемчужина в короне сталинской металлургической промышленности — Магнитогорск, уязвим, когда меняется технологический процесс и требуется производить новые изделия, а неспециализированный город, в котором много предприятий и разнообразной рабочей силы, может перенести довольно сильные удары. Поразительно, что в наиболее индустриализированных экономиках сложные и зачастую низкодоходные способы добывания пропитания, домашняя заготовка продовольствия, неучитываемая работа и широко распространены, и необходимы, хотя едва отражаются в большинстве форм экономической отчетности[902]. Примером могут служить развитые семейные фирмы из Эмилии-Романья в Италии, которые поколениями процветали на чрезвычайно конкурентном мировом рынке текстиля благодаря сети согласованных взаимоотношений, адаптивности и высококвалифицированной и стабильной рабочей силе. Одновременно семейные фирмы укоренялись в местном обществе, в котором все знали друг друга и которое за несколько столетий приобрело большой опыт совместной жизни и гражданские навыки[903]. Эти фирмы вместе с плотными, разнообразными сообществами, в которые они были внедрены, воспринимались все менее архаично и казались идеально подходящими для экономики постиндустриального капитализма. Даже в узких границах рыночной конкурентоспособности в либеральных индустриальных обществах поливалентные, адаптивные, небольшие структурные единицы имеют больше преимуществ, чем мог бы вообразить любой приверженец высокого модернизма 1920-х годов.

И более того, как только мы оцениваем такие поливалентные учреждения в соответствии с более широкими критериями, пример становится даже более веским. Если рассуждать на этом уровне, нужно возвратиться к ранее поставленному вопросу: какие люди вынашивают мысль о подобных учреждениях? Лучше всех установил связь между экономической предприимчивостью и политическими навыками Томас Джефферсон в своем прославлении мелких фермеров-землевладельцев. Джефферсон был уверен, что самостоятельность и навыки, нужные для ведения независимого сельского хозяйства, помогли взрастить гражданина, привыкшего ответственно принимать решения, имеющего достаточно собственности, чтобы избежать социальной зависимости, и включенного в традицию обсуждения проблем и ведения переговоров со своими согражданами. Короче говоря, сословие мелких фермеров-землевладельцев было идеальной основой для демократического гражданства.

К любой запланированной, построенной и узаконенной форме социальной жизни можно применить сравнительный тест: до какой степени обещает она увеличить навыки, знание и

чувство ответственности тех, кто является ее носителем? На более узком институциональном уровне вопрос звучал бы так: насколько глубоко эта форма отмечена ценностями и опытом тех, кто ее составляет? В каждом случае целью является различение ситуаций, допускающих лишь незначительную модификацию (а то и вовсе никакой), и ситуаций, поддерживающих развитие и применение метиса.

Здесь может помочь простой пример со сравнением военных памятников. Мемориал ветеранов Вьетнама в Вашингтоне, судя по числу и интенсивности его посещений, несомненно, один из наиболее удачных. Построенный по проекту Майи Лин Мемориал представляет собой неглубокую траншею, внешняя стена которой облицована черным полированным гранитом. На стене высечены имена погибших и пропавших без вести. Имена перечисляются не по алфавиту и не по принадлежности военным подразделениям, а в хронологическом порядке, по точной или предполагаемой дате гибели[904]. Другого словесного или скульптурного выражения отношения к войне нет, что вряд ли удивительно в свете того, какие политические бури вызывает до сих пор эта война[905]. Особенно примечательно то, как вьетнамский мемориал влияет на тех людей, которые приходят сюда помянуть друга или любимого. Они касаются имен, высеченных на стене, глядят их и оставляют свои произведения и памятные подарки, от стихов и женской туфли на высоком каблуке до бокала шампанского и набора карт «полного дома» в покере. Эта дань памяти погибших настолько обильна, что музей создал для них специальное здание. Картина множества людей, стоящих вместе у стены, прикасающихся к именам своих любимых, погибших на одной и той же войне, трогает человека независимо от его отношения к самой войне. Я уверен, что значительная часть символической мощи мемориала состоит в том, что он дает возможность посетителям воздать почести умершим и тем самым выразить собственный смысл, свою историю и свою память. Мемориал требует сопереживания для полного осознания его значения. Хотя его нельзя сравнить с тестом Роршаха, тем не менее Мемориал достигает своей цели и тем, что люди ему приносят, и тем, какое впечатление производит он сам.

А теперь сравним Мемориал ветеранов Вьетнама с другим, сильно отличающимся от него американским военным мемориалом на острове Иводзима: скульптурной группой, изображающей подъем американского флага на горе Сурибачи во Второй мировой войне. Волнующая сама по себе, относящаяся к заключительному моменту победы, завоеванной огромной ценой человеческих жизней, Иводзимская группа явно героична. Ее патриотизм (символизируемый флагом), ее указание на победу, ее преувеличенный масштаб и ее неявная тема единства в победе оставляют мало места для сопереживания, которое ожидается от зрителя. Учитывая единодушие, с которым относились и относятся к той войне в Соединенных Штатах, совсем не удивительно, что Иводзимский мемориал должен был быть монументальным и внятным в своем послании. Этот памятник, хотя и не вполне «самодостаточный», все же символически более независим, как и большинство военных памятников. Посетители могут испытывать благоговейный трепет, вглядываясь в образ, который благодаря фотографии и скульптуре стал символом войны на Тихом океане, но они скорее получают от него сообщение, чем взаимодействуют с ним[906].

Социальный институт, форма или предприятие, которое сформировалось под влиянием метиса людей, занятых в нем, расширит рамки своего опыта и навыков. Следуя поговорке

«Пан или пропал», дружественный метису социальный институт использует и обновляет ценные для общества товары. Это, конечно, не может служить лакмусовой бумажкой для всех социальных форм. Все социальные формы «искусственно» сконструированы, чтобы служить целям человека. Когда цель узкая, простая и постоянная во времени, ее можно кодифицировать, и иерархическая рутина, возможно, будет наиболее адекватна в небольшом промежутке времени. Однако даже в таких случаях мы должны осознавать цену человеческих затрат, сводящих на нет результаты рутинной деятельности, и возможное сопротивление ей.

Когда же качество учреждения и продукт его деятельности зависит от наличия энтузиазма участников, такая лакмусовая проба имеет смысл. Например, при строительстве жилья успех нельзя оценить, не узнав мнения тех, кто в нем живет. Проектировщики жилья, принимающие как должное разнообразие человеческих вкусов и неизбежные (и непредсказуемые) изменения в составе семьи, с самого начала предусмотрят некоторые вариации, создавая гибкие строительные проекты и поэтажные планы, которые можно менять. Тем же способом разработчики планов кварталов обеспечат разнообразие и комплексность, которые смогут гарантировать их жизнеспособность и долговечность. Кроме того, те, кто занимается планированием и зонированием, обычно не ставят своей задачей дать гарантию того, что в конце концов кварталы дойдут до разработанных ими форм. Можно представить много типов общественных институтов: школы, парки, детские площадки, гражданские ассоциации, деловые предприятия, семьи, даже планирующие органы, которые вполне можно оценить с тех же самых позиций.

В либеральных демократических государствах многие общественные институты уже принимают такую форму и могут служить образцами для моделирования новых. Можно сказать, что сама демократия основана на предположении, что метис населения страны в опосредованном виде непрерывно изменяет законы и политику государства. Право по обычаю, как общественный институт, обязано своей долговечностью тому, что оно является не окончательной кодификацией неких правил, а набором процедур для непрерывного приспособления неких широких принципов к новым обстоятельствам. Наконец, наиболее характерный из всех человеческих общественных институтов — язык — является и наилучшей моделью: он представляет собой структуру смыслов, последовательность, которая никогда не останавливается в своем развитии и дает широкий простор импровизациям всех говорящих на нем.